

Андрей Подшибякин

18+

ИГРОМАН

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
РОМАН ПРО ИГРЫ

Андрей Подшибякин

**Игрожур. Великий
русский роман про игры**

«ЭКСМО»

2020

УДК 004.9
ББК 77.056с.я92

Подшибякин А. М.

Игрожур. Великий русский роман про игры /
А. М. Подшибякин — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-116861-2

Журналист, креативный директор сервиса Xsolla и бывший автор Game.EXE и «Афиши» Андрей Подшибякин и его вторая книга «Игрожур. Великий русский роман про игры» – прямое продолжение первых глав истории, изначально публиковавшихся в «ЖЖ» и в российском PC Gamer, где он был главным редактором. Главный герой «Игрожура» – старшеклассник Юра Черепанов, который переезжает из сибирского городка в Москву, чтобы работать в своём любимом журнале «Мания страны навигаторов». Постепенно герой знакомится с реалиями редакции и понимает, что в издании всё устроено совсем не так, как ему казалось. Содержит нецензурную брань.

УДК 004.9
ББК 77.056с.я92

ISBN 978-5-04-116861-2

© Подшибякин А. М., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

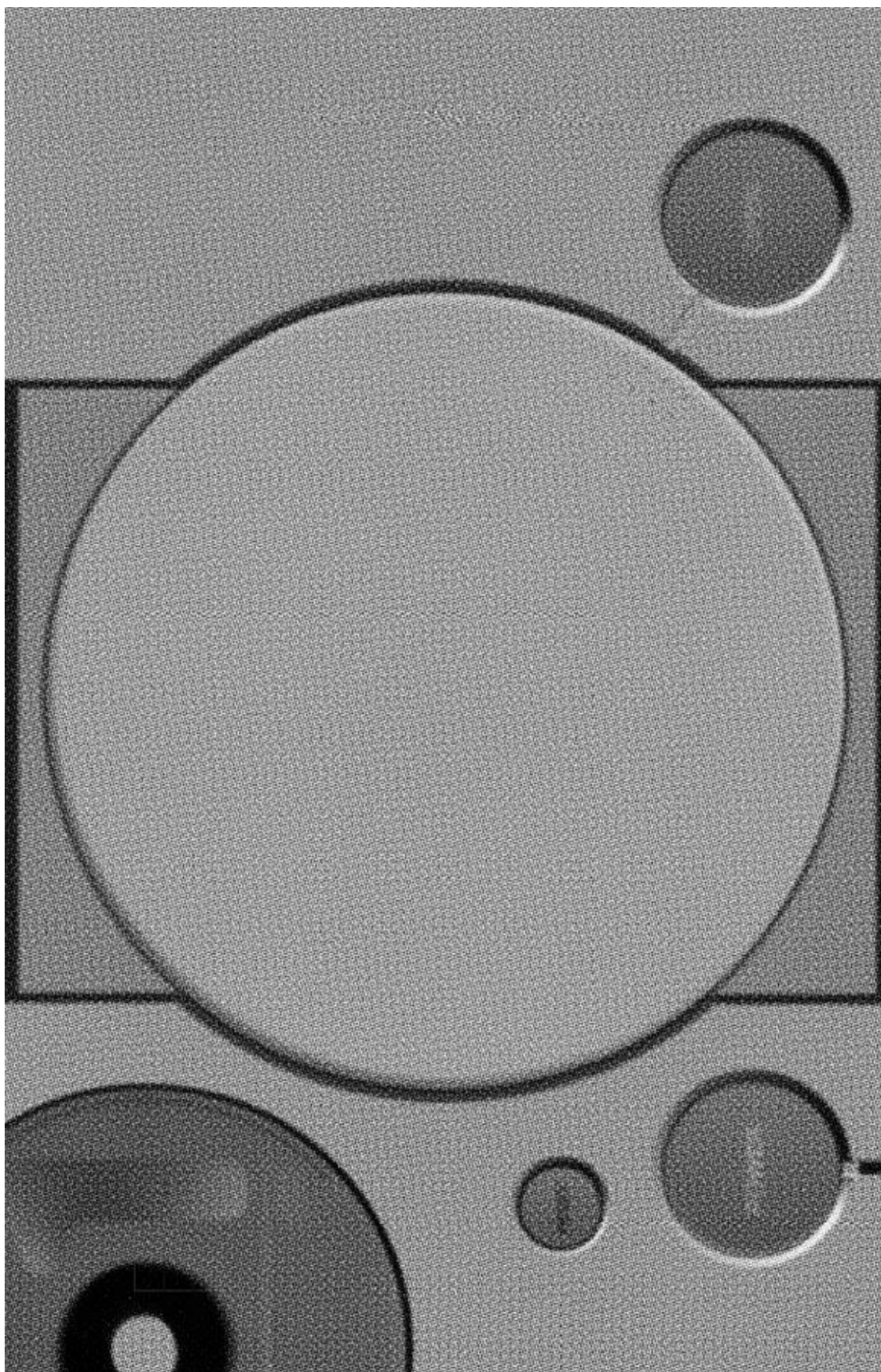
Предисловие	7
Волшебный мир героического фэнтези против суровой реальности	9
Если ты не голубой, нарисуй вагон другой	14
Это Сан-Франциско, город, полный риска	18
К звёздам!	23
Этапом из Твери, зла немерено	28
Бал монстров	32
Во имя объективности	37
Эльфийский метод автостопа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Подшибякин
Игрожур. Великий русский роман про игры

Все совпадения случайны. Или нет.

© Текст, А. Подшибякин, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

У этого текста долгая история. Началась она, кажется, в 2003 году (точнее сейчас установить невозможно); в то время я занимался русской версией журнала PC Gamer и – точнее, уже конкретно устал от русской версии журнала PC Gamer. К тому моменту я пробовал разобрать «типичный игровой журнал» на части и превратить его в контркультурную историю с литературой, неформатными рецензиями и вообще всем тем, что в журналах такого формата было представить невозможно; сразу скажу, что из этой истории, конечно же, ничего не вышло. Зато из неё в конечном итоге получилась книга, которую вы держите в руках.

Первые несколько глав выходили каждый месяц в, собственно, PC Gamer; иллюстрации к некоторым из них делал сотрудник «Студии Артемия Лебедева» Ларик Гордон – за что ему до сих пор спасибо.

Вскоре выяснилось несколько вещей. Первая: из-за «Игрожура» произошли множественные разрывы некоторых его прототипов и их сочувствующих – документы той эпохи до сих пор доступны в, извините за выражение, ЖЖ. Вторая вещь: «Игрожур» моментально разошёлся по всему профильному сегменту интернета и даже в таком своём зачаточном виде стал пользоваться, как было принято говорить в то время, ограниченно культовой славой – и надолго пережил PC Gamer, закрывшийся вскоре после публикации первых семи глав.

В какой-то момент всё это начало меня раздражать. Необязательная, незаконченная и (давайте я первый это признаю) достаточно злобная почеркушка вдруг зажила своей жизнью – не так я представлял свой дебют в литературе! На многочисленные вопросы, когда будет дописан «Игрожур», я в диапазоне с 2003 до второй половины 2020 неизменно и честно отвечал: «Никогда».

При этом текст никуда не делся и периодически о себе напоминал. Ещё пару глав я написал в самолёте от скуки в 2012 году – они формально нигде не публиковались, но всё равно умудрились как-то разойтись по вышеупомянутому профильному интернету. Всё это по-прежнему были эпизоды – единой истории и, что самое главное, кульминации у меня в голове не было, и это тоже отдельно раздражало.

Потом мне надолго стало не до «Игрожура» и не до прозы вообще, но и здесь текст о себе напомнил – когда после переезда в Лос-Анджелес я чистил свой старый iCloud, в нём обнаружился один из драфтов первых семи глав.

В марте 2020 случилась пандемия, карантин и локдаун (не закончившиеся и в момент, когда я пишу эти строки) – у меня внезапно и впервые за очень долгое время образовалось много времени. «Игрожуром», правда, заниматься всё равно не хотелось, пока...

Пока однажды утром я не проснулся с полностью сформированной историей Юрия Гноя в голове. Не написать её стало невозможно. Все логические построения и всё нежелание возвращаться в семнадцать лет назад моментально разлетелись на мелкие смешные кусочки.

Это был дурдом.

Я открыл ноутбук и не мог остановиться – причём было ощущение, что история живёт где-то снаружи и использует меня как средство доставки себя на бумагу.

Перечитывая некоторые главы, я смеялся как идиот и не мог вспомнить, как я это написал.

В какой-то момент издательство (привет, Таня Коробкина, и, как всегда, спасибо за вообще всё!) забеспокоилось и попросило меня немного тормознуться, пока не получился кирпич.

Тормознуться не получалось.

Тем не менее, скрепя сердце и скрежеща зубами из книги пришлось выкинуть такие ключевые для описываемого периода штуки, как «тренинг лояльности», «гимн издательства»,

«увольнение на три года с правом продолжения деятельности» и «шланг с говном». Также: несколько лет назад мне пришла в голову идея трудоустроить Гноя в студию игровой разработки (такая профессиональная траектория была, в принципе, не редкостью), – но оставим её на гипотетический сиквел.

Ещё несколько соображений и ответов на ваши незадаанные вопросы.

Я немного затрагивал тему российской игровой журналистики начала нулевых в моей предыдущей книге «Время игр!»; позволю себе развёрнутую цитату: «[...] золотой век игр породил в России тематическую прессу в количестве, невиданном ни до, ни после. Игровая журналистика («игрожур», как этот термин начали сокращать некоторые участники процесса) требует, конечно, отдельного большого рассказа и, возможно, отдельной книги. Огромные ежемесячные журналы выходили, что называется, «в фургусе» – на удивительном для кустарных, в принципе, СМИ уровне качества полиграфии, но часто с вполне пиратскими представлениями о журналистике. И о письменном русском языке». Эта «отдельная книга» перед вами: многие из описанных в ней практик журнального производства действительно существовали на рубеже, так сказать, веков.

Еще цитата из «Времени игр»: «Любопытно, что при соблюдении всех внешних атрибутов периодической прессы (регулярность выхода, строгие рубрикаторы, специализация авторов на определённых жанрах, нестыдная верстка и так далее), ни издатели, ни авторы, ни рекламодатели тогдашних игровых журналов в большинстве своём не имели ни малейшего представления о том, что такое журналистика и по каким законам она функционирует. [...] Даже для многих причастных к процессу до сих пор остаётся загадкой экономика тогдашней игровой прессы. Журналы выходили на суперкачественной бумаге, печатались в Европе и выглядели лучше, чем только оперявшийся на тот момент гендерно-специфический глянец. Рекламы в большинстве тогдашних изданий не было или почти не было; на розничных продажах, по слухам, жила только суперпопулярная «Игромания», – все остальные, по ощущениям, достаточно вольно обходились с цифрами собственных тиражей, указанных в выходных данных. Тогдашние гонорары, впрочем, со всеми поправками на инфляцию и курсы были больше сегодняшних «глянцевых». Иными словами, существовала возможность полностью себя обеспечивать, занимаясь только, как это тогда называли некоторые люди, «обзорами на игры». Стандартная для полудюжины крупных изданий ставка «десять долларов за тысячу знаков» при определённой усидчивости позволяла зарабатывать до тысячи и более долларов в месяц – абсолютно сумасшедшие деньги для подростков второй половины девяностых».

То есть, тогдашняя игровая журналистика была мощнейшим социальным лифтом, без разбора поднимающим случайных людей к осязаемым деньгам, чуть менее осязаемому статусу, заграничным командировкам и, главное, к абсолютной потере всяческих берегов (например, приключения Дианы во время командировки в Blizzard основаны на реальных приключениях одного сотрудника одного объективного издания). Гной, Игорёк, Поплавский и все остальные гиперболизированы, но не выдуманы. Иногда даже не сильно гиперболизированы.

Действие «Игрожура» происходит в условные ранние нулевые; хронология выхода игр и появления их на обложках «Мании страны навигаторов» подогнана под нарративные надобности. Кстати, об этом: я хотел написать большую сцену об унижительном экзамене на знание так называемой «фактики», но не нашёл ей места в структуре. Но имейте в виду, что она есть.

Надеюсь, что вы получите от чтения хотя бы вполтину столько удовольствия, сколько я получил от работы над «Игрожуром» (хотя работой это, конечно, назвать трудно – чистое удовольствие).

Лос-Анджелес, 27 октября 2020

Волшебный мир героического фэнтези против суровой реальности

Уроки литературы всегда были для Юрки Черепанова серьёзным испытанием. «Разве ж это, – думал он про себя, рисуя на третьей обложке общей тетради робота-убийцу с планеты Крулл, – литература... Унылая пора, очей что-то там такое... Очи какие-то вообще. Почему не сказать просто – глаза! Просто и понятно!» Училка Дина Зуфаровна по прозвищу Динозавр прохаживалась вдоль галереи портретов мрачных бородатых русских классиков и читала с выражением вслух про печальную красу; процесс захватил её настолько, что класс давно уже не обращал на неё внимания и занимался своими делами. Юрик высунул от усердия кончик языка и пририсовал роботу пятую руку, держащую топор. Для убедительности с лезвия топора стекали крупные капли крови.

– Слышь, Гной, – прошипели сзади. – Шпалу хочешь?

Кличка Гной намертво прилепилась к Юрке ещё в первом классе – причин теперь никто не помнил, да и было это совершенно неважно. Поначалу он страдал, что пропадает такая козырная фамилия – ведь, казалось бы, сам бог велел звать его красиво: Череп!.. Но вскоре смирился. Иногда Юрке казалось, что даже учителя, вызывая его к доске, как-то странно запинаятся на фамилии. На одноклассников же обижаться было сначала бесполезно, а потом и опасно: к десятому классу те из них, что не разбежались в «колледжи» и «академии» (так теперь стало принято называть профтехучилища), стали здоровыми лосями, не склонными к сантиментам.

– Короче, лошара, – донеслось из-за плеча. – После уроков на площадке подходи на шпалу. Гха-гха!

Юра моргнул и промолчал. Самое унижительное заключалось в том, что не пойти было нельзя: в случае такой вольности качок и хулиган Лёша Корявый (а шипел именно он) назавтра наваял бы ему таких пиздюлей, что... Нет, даже думать об этом было неприятно. Юра сосредоточился на мыслях о хорошем: дома лежал новый томик боевой фантастики «Космический крейсер «Коловрат», а сегодня вечером в киоске «Союзпечать» должен появиться новый номер смысла Юркиной жизни – лучшего в мире (хотя других он, вообще-то, не читал) журнала о компьютерных играх «Мания страны навигаторов»!.. От предвкушения Гной даже зажмурился: он обожал сдирать с издания целлофан, выкидывать в мусорное ведро диск (домашний его компьютер всё равно тянул только максимум Quake II, а в районном игровом клубе «Матрица» посторонние CD приносить не позволяли), бережно откладывать в сторону наклейки и постеры, вдыхать волнующий запах типографской краски и...

– Ни до, ни после русская поэзия не порождает ничего подобного, – донёсся сквозь грёзы голос толстого очкастого Динозавра. – Удивительное чувство языка, легчайшая меланхолия...

Юрик решил, что настала пора проделать Манёвр. Он дождался, пока училка продефилирует мимо, вывернул шею и аккуратно покосился на первую красавицу 10Б Алину Петрозаводскую. На ухо ей, чуть отодвинув белокурый локон, что-то шептала страшненькая подруга и соседка по парте по кличке Буратино (сокращенно – Буря). Прекрасные серые Алинины глаза смеялись. Под синим свитером угадывалась неприлично большая для десятиклассницы грудь.

Дольше нескольких секунд Манёвр обычно не длился, но тут Гной замешкался: он подумал, что, наверное, если Алину сначала раздеть, а потом нарядить в металлическое бикини и железный крылатый шлем, то получится вылитая эльфийская воительница из игры Baldur's Gate... Тут маленькие карие глазки Буры заблестели, а шёпот стал громче. Улыбка Алины, наоборот, чуть померкла. Юрка замер, как парализованный удавом кролик. Серые очи (тут он

понял, что действительно бывают глаза – и бывают очи) посмотрели на него в упор. Скульптурные розовые губы сложились в тихие, но предельно чёткие слова.

– Отвернулся, упырь. Быстро.

Гной залился густой краской и уткнулся в робота-убийцу. Рисовать больше не хотелось. В глазах щипало, в горле стоял комок. От волнения ему стало жарко, под мышками зелёного свитера со словом BOYS начали расплываться предательские пятна. Кулаки сжались. Юрик смотрел перед собой невидящими глазами и думал, как в другом, параллельном мире футуристический витязь-киборг Юрий Череп в эту самую минуту сносит мечом голову слизистого гнидогадоида с планеты Назалия – за секунду до того, как тварь сотворила бы с Алиной (белый лёгкий скафандр с декольте, развевающиеся волосы, пылающий взор) страшное! Или нет! Как Алина сама валится ему в ноги и говорит: «Отныне я только твоя, Великий Череп!» И начинает растёгивать скафандр. А он, Гной, то есть, тьфу, Череп, заносит над ней меч и громовым голосом говорит: «Сука!..» Что сказал Череп дальше, Юрик придумать не успел: прозвенел звонок.

На спортивную площадку Гной брёл без особых эмоций: если первое время раздача шпал собирала восторженных зрителей, то сейчас, в середине учебного года, явление это было будничное, как урок труда. Впрочем, в свете школьных окон, едва разгонявших ноябрьскую темноту (в Западносибирске в шесть часов вечера в это время года стояла уже конкретная ночь), было видно: Лёша Корявый не один.

– Сюда иди, вася, – донёсся со стороны брусьев незнакомый, но неприятный голос.

Сфинктер Юры нехорошо сжался. Целлофановый пакет со сменкой вдруг стал весить две тонны. Тощий рюкзак, украшенный дискетой на унитазной цепочке, гнул к земле. Чебурашковый мех воротника куртки, которую Гной предпочитал называть «бомбером», начал привычно пропитываться потом. Убегать было бесполезно: догонят, будет хуже. Это витязь-киборг Юрий Череп знал на инстинктивном уровне, ровно зверь.

На брусья картинно опирался Корявый, рядом с ним курил незнакомый тип, по виду – явно «академик» из соседнего со школой Колледжа операторов станков с числовым программным управлением, который его обитатели называли просто: «бурситет номер восемь». Толстой джинсовой задницей на брусьях расплылась Настюха; подруга Корявого равнодушно смотрела в сторону, к кургуазным развлечениям бойфренда она давно привыкла.

Лёша был настроен повеселиться.

– А чо, Гной, – начал он с заговорщицким видом, – Настюхе подруги сказали, что ты походу пидор!

Юрик проямлил, что ничуть нет. Корявый в театральном притворном удивлении вскинул редкие брови, похожие на переехавшие из-под его носа этажом выше усики.

– То есть ты мне бурувишь, что Настюха пиздит, да?

Юра обречённо посмотрел на лёхину пергидрольную джульетту.

– Не, лох, – заключил Корявый, – так дела не будет. Раз ты вот говоришь, что не пидор, возьми у Великого сигаретку покури. А? Чо? Очко жим-жим?

Было, конечно, не время и не место задумываться о таких вещах, но Юрик ощутил укол досады: вот зовут же кого-то Великим за непонятные заслуги...

– Слы, Корявый, завязуй, – вдруг гулко сказал «академик». Лёша осёкся. Гной было воспрянул, но не тут-то было.

– Деньги есть, дрыщ?

Денег у Юрки было в обрез на «Манию страны навигаторов» – он и эти-то 120 рублей долго откладывал из тех денег, что мать давала ему на обеды. Перед глазами пронеслись слабые картины: рубрика «Почта» и её длинноногая ведущая Анна, с которой Гной состоял в регулярной (хоть и односторонней) переписке... «Информативные обзоры», исполненные божественных словосочетаний вроде «игровой процесс» и «ребята из студии Blizzard»... Его любимые авторы, скрывавшиеся за псевдонимами Мистер Гейтс, Ваня Дристокхватов и Cyber

Demon aka Death Knight... Всё это рушилось в тартарары. Тут Юрик услышал собственный плаксивый голос:

– Мальчик... У меня нет денег...

В параллельном мире кибернетический богатырь Череп нёсся один на несметные полчища слизистых ящериц. Его имя было Смерть. В деснице он сжимал рунный энергетический меч. В ошуей (хотя этого слова Юрик, конечно, не знал) – разрывной лучемёт. За его спиной вставали сразу три кроваво-алых солнца.

В реальном мире Юрик Гной получил по уху так, что в куда-то в грязь улетела его чёрная вязаная шапочка с логотипом «Чикаго Буллз». Великий бил не кулаком, а так, раскрытой ладонью, «лещом» – было не столько больно, сколько унижительно. Из глаз Юрика самопроизвольно хлынули слёзы.

– В натуре пидор, – уверенно заключил Великий и брезгливо пнул Гноя сапогом. – Пошёл на хуй.

Что тот и сделал. Следом, повинувшись пинку ловкого Лёши, из темноты прилетела грязная шапочка. В мозгу Юрика пульсировала только одна мысль: «Не отдал деньги! Куплю «Страну навигаторов»!..» Надо было, впрочем, спешить: киоск закрывался в семь.

Но зарёванному и шмыгающему носом кибер-витязю предстояло в этот вечер претерпеть ещё одно испытание.

Рядом со школьным подъездом стояла чёрная «бэха-треха» с наглухо затонированными стёклами. Вокруг прохаживался небритый носатый брюнет в кожаной куртке. Гной замер. Он не мог, конечно, знать, что машине мало того что пять лет, так ещё и три из них она провела в угоне – да и если бы знал, что бы это изменило? Для Западносибирска тонированная BMW была чем-то вроде сияющего космического флаера, опустившегося...

Додумать метафору Юрик не успел.

Из школьных дверей вышла стройная фигура в короткой светлой дублёнке – Алина. Гной узнал бы её в любом ракурсе, не говоря уже про походку: только Петрозаводская умела выписывать бёдрами такие удивительные восьмёрки. Носатый у «бэхи» оживился, выкинул в сугроб искорку окурка и побежал открывать Алине пассажирскую дверь. Юрик почему-то вспомнил, как почти случайно проходил мимо женской раздевалки перед физкультурой и нечаянно заглянул в замочную скважину; после этого девчонки долго называли его мудаком, извращенцем и другими неприятными словами. Самым обидным было то, что разглядеть Алинину грудь ему так и не удалось: зрелище застилала жирная Солодовникова по прозвищу Туша, наряженная в колготки с начёсом и мешковатую майку со словами YES и NO соответственно на груди и на спине.

Пока всё это прокручивалось в Юриковой голове, носатый что-то шепнул смеющейся Алине и по-хозяйски шлепнул её по юной заднице. Гной видел этот жест как в замедленном воспроизведении: вот ладонь пошла на замах, вот соприкоснулась с тканью юбки, вот волной разошлась лёгкая вибрация...

Мир рушился вокруг кибер-витязя. Под похабный гогот Алины одно за другим гасли красные светила. Слизистые полчища подминали его под себя, не давали дышать, выкручивали руки с рунным лучемётом и разрывным мечом.

Юрик очнулся только у киоска, вынимая из носка заветные 120 рублей. Недовольная бабушка уже закрывала «Союзпечать» на замок, да и чрезмерного доверия Гной в тот вечер не внушал: виноваты были криво напыленная изгаженная шапочка, след от грязного сапога на фалде «бомбера» и общий ошалелый вид.

– Пожалуйста... Мне надо, – проскрипел Юра, протягивая бережно скрученные трубочкой купюры и показывая на яркую обложку.

Ооо, что это была за обложка! Дизайнер разместил на ней крупным планом Лару Крофт, наряженную в простыню. Вокруг теснились завлекательные надписи: «Sex-символ тысяче-

тия!», «150 лучших обзоров!», «Федька и Василий Петрович спасают Галактику» и «Исповедь Гэймера». Юрик искал глазами любимый слоган: «ПК и только ПК навсегда!». Нашёл, впервые за вечер улыбнулся. Он ненавидел и презирал тупых консольщиков прежде всего потому, что у приставочных игр нет души. Ну и ещё по одной более прозаической причине: он точно знал, что приставки ему не видать как своих ушей, как ни упрашивай маму. Их домашний компьютер был маминым рабочим – на нём она сводила какие-то свои бухгалтерские таблицы; 3D-ускоритель «Вуду» Юрик выпросил себе год назад на день рождения. Папу Гной не знал: лет до шести мама говорила, что он уехал в командировку на Северный полюс, а потом как-то само собой стало понятно, что командировка затянулась навсегда. Мама, по её собственному выражению, «поднимала ребёнка» одна – правда, некоторым опосредованным образом в этом ещё участвовал мамин начальник Виктор Сулейманович, плюгавый мужчина с таракаными усами и «политическим зачёсом» на лысину. Он помогал Юриковой матери сводить дебет с кредитом – так это официально называлось. Впрочем, когда Гной однажды в одиннадцатом часу вечера столкнулся с ним в прихожей (Виктор Сулейманович был одет в несвежую майку-«алкашку» и сатиновые длинные трусы), многое про этот дебет стало понятнее.

Домой Юрик летел, как на крыльях – да что крылья!.. Как на мощном антигравитационном флаере с фотонным приводом! «Манию страны» он прижимал к груди: положить журнал в рюкзак, к изрисованным роботами общим тетрадам и учебникам для 11 класса средней школы было бы немыслимым кощунством и даже предательством.

Матери не было; Гной отпихнул кота, сбросил «бомбер» (Лёша Корявый обычно называл его «чуханским кожухом»), включил торшер и плюхнулся на диван. Руки дрожали. Любимый журнал он начинал читать с конца: там был раздел «Хумор» с анекдотами про программистов и смешными карикатурами про Лару Крофт и игру Doom; иногда журнал эпизодами публиковал бессвязную сказку графомана Ванечки Дристокхатова про ослика – после этого Гной злобно пролистывал рекламу (её он ненавидел почти так же, как консольщиков), открывал первую страницу и погружался в слово редактора.

О, редактор был мощен!

«Дорогой геймер, – начинал он свою колонку, – от всей души, от всей нашей большой редакционной души мы рады приветствовать тебя на страницах твоей любимой «Страны навигаторов»!...» Дальше Пётр Поплавский (а именно так звали главного бога Юриковой вселенной) в четырёх абзацах довольно толково пересказывал своими словами содержание номера, опубликованное тут же, на соседней странице. Когда Гной добрался до строчки «а знаешь, что самое дорогое для нас, журналистов? Нет, это не игры. Это ты, наш дорогой читатель! И я жму твою руку!», глаза его слегка увлажнились. На самом деле, от номера к номеру колонки Поплавского отличались друг от друга только порядком слов в предложениях (да и то не всегда), но Юрик о таких вещах не задумывался. Ему казалось, что главный редактор обращается лично к нему – причём не как к равному, а снизу вверх, с некоторой даже подобострастной интонацией. Становилось понятно: судьба лучшего в мире журнала о компьютерных играх зависит только от него, Юрика Черепанова!.. Колонку венчала размашистая подпись Поплавского, к которой зачем-то были пририсованы глаза, и скромный адрес электронной почты: guru@stranavigatorov.ru.

Дальше было самое волнительное – раздел «Почта». Прочтя каждый номер журнала, Гной неизменно садился за обстоятельное письмо с, как это было принято называть, «конструктивной критикой». Для начала он непременно проходил по рекламе: в каждом номере её становилось всё больше, и это означало, что за свои кровные 120 рублей Гной получает всё меньше полезной информации! «В прошлом номере, – писал он на выдерганном из тетради листе в клеточку, – было 120 страниц статей и всего 15 страниц рекламы. В этом номере рекламы уже вдвое больше, а количество статей уменьшилось на 10 страниц! Если это будет продолжаться дальше, я просто перестану покупать ваш журнал!» Угроза виделась действенной: вон

как заискивал Поплавский в редакторском слове. Они не могут позволить себе потерять постоянного читателя, думал Юрик. Это было бы равносильно катастрофе!

Вторым важным пунктом письма были жалобы на «недостаточную информативность написания статей». Юрик укорял авторов, что своё самовыражение они ставят выше пользы читателя: из потока сознания какого-нибудь Мистера Гейтса становилось всё труднее вычленивать «информацию о необходимости покупки той или иной игры». Вообще-то, игры Юрик не покупал: то, что в принципе могло у него запуститься, он выпрашивал у знакомого сисадмина клуба «Матрица», ну и раз в несколько месяцев тратился на пиратский сборник «128 лучших стратегий». Но надо же было одёрнуть зарвавшихся борзописцев!

(Слово «борзописцы» он тоже вычитал в любимом журнале. Что оно означает, было понятно не вполне, но явно ничего хорошего, – с тех пор борзописцами Гной мысленно называл вообще всех людей, чем-либо ему не угодивших.)

Дальше в письме обычно шли несколько вопросов («Когда выйдет Command&Conquer 3 и будет ли русская версия?») и снисходительная похвала: мол, ладно, всё равно вы лучший журнал в мире и России; осталось только исправить мелкие недостатки. Дальше Юрик расписывался, пририсовывал подписи глаза (он считал, что так делают все настоящие журналисты) и вкладывал письмо в конверт с изображением грозного силуэта Западносибирского шарикоподшипникового завода. Первые несколько раз он для убедительности рисовал на конверте робота, космический корабль и гипербластер, но потом бросил: ещё, чего доброго, божественная Анна примет его за ребёнка!

Анной звали девушку, отвечавшую в «Мании страны навигаторов» за переписку с читателями. Вживую Гной её не видел – раздел «Почта» был украшен её карандашными рисунками. Огромные голубые глаза, волнистые светлые волосы, идеальные шары чуть прикрытых маечкой грудей, нескончаемые ноги с тонкими лодыжками... При мысли, что реальный прототип берёт тонкими пальчиками его письмо, Гной прошибал ледяной пот. Ответа он, правда, пока ни разу не дождался, но попыток не оставлял.

С мыслями об Анне Юрик перевернул страницу и вздрогнул, как собака от близкого взрыва петарды. Глаза отказывались передавать в мозг сигналы об увиденном.

В журнале было опубликовано его письмо.

Если ты не голубой, нарисуй вагон другой

...Ну, письмо не письмо, а постскрипtum – ещё два тетрадных разворота конструктивной критики пали жертвой безжалостной редакции. Осознание этого пришло к Юрику сильно позже; сейчас он гипнотизировал очередной портрет Анны (туго натянутый на груди короткий жёлтый топик, приоткрытые пухлые губы и явно на что-то намекающие огромные синие глаза) и снова и снова бегал увлажнившимися глазами по знакомым строчкам: «ЗЫ... Мне не нравится раздел хумор потому что Вы не рисуете смайлеки где надо смеяться... А без них многие Ваши читатели не понимают Вашего юмора... ИМХО есно... Вообще ЛОЛ!!!:))))))» Письмо венчала гордая подпись: «Юрий Черепанов aka Dark Skull aka Череп, Западносибирск, Галактика Млечный путь» – к великому Юриковому сожалению, закорючку с глазами журнал воспроизвести поленился.

Далее следовал... Нет, этого просто не могло быть. У Гноя закружилась от счастья голова – если бы он не сидел, то непременно бы рухнул на вытертый палас (так почему-то в их семье принято было называть ковёр). Ему отвечала сама божественная Анна: «Дорогой Dark Skull! Конструктивно критиковать – проще простого, а ты попробуй сам написать что-нибудь! А мы посмеёмся! Чмоки!» Чуть ниже было изображено розовое сердечко, при виде которого Юрик начал проваливаться уже в натуральный обморок. Спасло его только то, что такие значки были пририсованы ко всем письмам, на которые отвечала богиня, – лёгкий укол ревности удержал Гноя в себе.

Остаток вечера прошёл в горячем тумане. В девять заскрежетал замок – пришла мама, полная белёсая женщина с высокой причёской и с брошью на бесформенной груди. Юрик дождался, пока она пойдёт на кухню греть ужин, и небрежным движением метнул «Манию страны навигаторов» на стол.

– Что это? – равнодушно спросила мать. Черепанов была фамилия уехавшего на Северный полюс папы; мама оставила за собой девичью – Неловко. Юрик не устал благодарить судьбу за такой её поворот: до конца своих дней быть Юрием Неловко – это как-то уже слишком.

– Я в журнале!

Юрик думал, что мать разрыдается от избытка чувств или на худой конец попросит у него журнал, чтобы показать на работе (он бы, конечно, не дал). Вместо этого Елена Борисовна Неловко скользнула равнодушным взглядом по триумфу сына и молча поставила на раздел писем тарелку с сарделькой и слипшимися вчерашними макаронами системы «бантики».

На следующий день Гной шёл в школу с высоко поднятой головой. За спиной его словно выросли биоэнергетические крылья... Нет, лучше мощные фотонные турбодвигатели. Родной Западносибирск, казалось, затаил дыхание перед своим героем, чьё имя отныне было известно целым 35 тысячам (на самом деле, их было существенно меньше, но об этом Юрик узнал гораздо позже) читателям по всей России!.. Интересно, прикидывал сам с собой герой дня, а кто отбирает письма для публикации? Наверное, каждый вечер вся редакция отрывается от своих упоительных занятий и садится за белоснежный круглый стол. Перед ними разложены аккуратные стопки писем. Длинноногая Анна открывает первый конверт, пробегает глазами несколько строчек, улыбается перламутровыми губами и передаёт его Поплавскому: «Посмотрите, какие интересные замечания и глубокие мысли!» Редактор, должно быть, читает письмо и морщится: нет, это недостойно украшать страницы лучшего в мире журнала. Анна чуть хмурится: «А вот это?» Поплавский ошарашенно замирает. Он перечитывает письмо Гноя раз, другой, третий. С грохотом отодвигает стул: «Срочно в номер!!!» Начинается суeta...

Здесь мимо Юрика промчался рейсовый автобус «Центральный рынок – Проходная металлопрокатного завода», по пояс обдав героя дня жирной грязью.

Задача на сегодня была достойна настоящего кибер-витязя: высидеть шесть уроков (среди которых – ненавистный русский язык и ещё более неприятная физкультура), не сойдя с ума. Дома ожидали два вырванных из общей тетради разворота и удивительное чудо техники – ручка со встроенными в колпачок электронными часами. Гаджет подарил Гной Виктор Сулейманович – просто так, безо всякого очевидного повода. Юрик ручкой не пользовался: делать такой уроки было жалко, а в школу носить – чистый суицид: Лёша Корявый отнял бы на первом же уроке и ещё потом гнусаво хохотал бы на переменах, рассказывая своим долговязым друзьям из параллельного класса про «лохотрома с нездоровыми распонтовками». По той же причине работу над статьёй (так Юрик называл вообще все тексты, публикуемые периодическими изданиями) нельзя было начинать на уроке: запалит Динозавр или её товарки, – будет такой позор, что лучше сразу в петлю.

Оскорблённый вчерашним предательством Петрозаводской Юрик постановил себе не производить сегодня Манёвров: пусть мерзавка знает, что больше не имеет для автора лучшего в мире журнала решительно никакого значения. Кто она, в конце концов, такая?! Ему написала «чмоки» сама Анна!.. Минуте на десятой первого урока стало понятно, что без Манёвров кибер-богатыря ожидает смертельная тоска. Юрик покосился на парту: там змеилась нарисованная шариковыми ручками цепочка корявых прямоугольников и было выведено: «Если ты не голубой, нарисуй вагон другой». Гной хотел было отвернуться, но краем глаза поймал на себе свербящий взгляд Корявого. Вчерашнее унижение у турника было слишком живо в памяти, и Dark Skull начал выводить очередной, двадцать третий по счёту вагончик.

– Черепанов! – взревела историчка Ольга Михайловна, комплекцией напоминавшая игрока в американский футбол в полной спортивной выкладке, а редкими чёрными усиками – отрицательного героя телесериала «Богатые тоже плачут».

Гной замер.

– Ты покупал эту парту, чтобы её портить?!

Через плечо Юрику беспардонно перегнулся Корявый, увидел незаконченный вагон и прошипел: «Пидор чуханский». Все попытки Гноя обелить свою репутацию, таким образом, пропали зря. Ольга Михайловна продолжала бесноваться:

– ...напишу докладную в ГорОНО!!!

Чем было страшное «гороно», никто толком не знал, но все чувствовали: ничем хорошим общение с организацией, носящей такое имя, закончиться не может.

– Вон из класса! Иди расскажи завучу, чем ты занимаешься на уроках!

Юрик понуро поплёлся к выходу, по пути нарушив данную самому себе клятву и покосившись на Алину. Та что-то писала в тетради, не обращая внимание на очередное испытание, выпавшее на долю Тёмного Черепы.

Ни к какому завучу Гной, конечно, не пошёл: историчкино буйство обычно не имело никаких особенных последствий и было (хоть об этом никто из учеников не знал) вызвано скорее гормональными причинами, чем педагогическим рвением. Добредя до пустого мужского туалета, Юрик сел там на подоконник и вынул из рюкзака томик боевой фантастики «Операция “Коловрат”» – предстояло как-то убить двадцать минут до перемены. Надо заметить, что ничего, кроме «славянского фэнтези» и «русских космических опер», Гной никогда по своей воле не читал – вообще все стихи были, по его твериградому убеждению, проделками гомосексуалистов, а всяким там Достоевским с Гоголями вообще делать было больше нечего, как писать сотнями страниц заунывную нудистику про крестьян и жирных старух. Особенно Гной ненавидел описания природы, лирические отступления и «про любовь» – в тех книгах, которые читал он, любовь сводилась к действиям, описываемым при помощи таких словообразований, как «её высокие налитые груди», «его воспрявшее естество» и даже «с её губ срывались страстные стоны».

Едва Юрий успел погрузиться в энергичные приключения русской (заметно было страстное желание автора книги всегда писать это слово с заглавной буквы) звёздной армады, гонящей по чёрному космосу слизистых гнидогадоидов, как в туалет вошёл хмурый учитель труда Сергей Валентинович и, не глядя на Гноя, начал рассупонивать брюки. Кабинок и перегородок в школьном туалете не было – только ряд отверстий в кафельном полу. Трудовик уселся над одним из них на корточки, оглушительно пустил газы и раскрыл принесённую с собой газету «Аргументы и факты». Гной закрыл книгу и, потупясь, вышел. День, определённо, предстоял непростой.

Он уже решил, что именно напишет для «Мании страны навигаторов». В прошлом номере журнала авторитетный автор, скрывавшийся за псевдонимом Игорь Шварцнеггер, скверно отозвался о свежей игре Diablo II. Гной в неё сам не играл, но много раз видел, как это делают завсегдатаи клуба «Матрица», так что ему было что возразить – уже не терпелось добраться до приготовленных дома письменных принадлежностей. Юрик даже не волновался: если ты настоящий геймер, прикидывал он сам с собой, то написать «объективную статью» должно быть проще простого. Юриков любимый журнал придерживался им же самим придуманной теории: существовали «объективные» и «субъективные обзоры». Объективными назывались материалы, исполненные, как квартальный отчёт, строго по одному шаблону: главки, названные «Графика», «Звук», «Управление», «Игровой процесс» и «Выводы» (в некоторых исключительных случаях к ним прибавлялись ещё «Атмосфера» и «Мультиплеер»). Метафоры, аллюзии, гиперболы, а также сложносочинённые и сложноподчинённые предложения в «объективных статьях» не приветствовались – мысли надо было излагать рубленным слогом отставного прапорщика, уволенного из армии за служебные злоупотребления. В таких материалах обязательно было употребление самых дремучих из всех возможных речевых штампов: если «отсутствует», то обязательно «как класс»; если «дождь», то непременно «как из ведра»; а уж «персонажи» непременно были «полюбившимися». Единственной стилистической вольностью, которую мог себе позволить подлинно объективный автор, был псевдославянский языковой мусор вроде «сей», «ибо» и «оный» – для солидности. «Субъективистов» в «Мании страны навигаторов» принципиально не публиковали и презирали, называя «эстетствующими» (подразумевалось «эстетствующими педрилами», но об этом Юрик узнал гораздо позже), – чтобы заполучить такое страшное клеймо, достаточно было употребить в тексте слово, состоящее из четырёх и более слогов.

Особенно свирепствовал главный ненавистник «эстетствующих», седовласый редактор раздела симуляторов «Мании» по прозвищу Фельдмаршал. Деталей своей биографии он не раскрывал – только иногда намекал, что в молодости командовал то ли подразделением спецназа, то ли особо секретной атомной подводной лодкой. С открывающей раздел фотографии исподлобья смотрел пожилой господин с орлиным суворовским взглядом и мощными бровями; в колонках Фельдмаршал рубил сплеча: «эстетствующие графоманы» писали о своих никому не нужных мыслях и переживаниях вместо скрупулёзного изложения фактов, которое, как известно, и есть первоочерёдное дело каждого журналиста. Гной Фельдмаршала дистанционно побаивался и сразу дал себе слово не допустить в «статью» ни одной мысли и переживания, а буде таковые всё-таки случатся (он немного опасался раздела «Выводы» – русичка Ольга Олеговна постоянно перечёркивала красной ручкой последний абзац его сочинений и ругалась на его «атрофированные способности к анализу», что бы это ни означало), непременно предварить их волшебной формулой «ИМХО, ессно».

Юриковы мысли о заголовке «статьи» (он остановился на «Иногда они возвращаются» – так в «Мании страны навигаторов» были озаглавлены почти все публикации об играх с цифрами в названии) прервал звонок: пора было идти на физкультуру. Гной поёжился: ничего хорошего это не предвещало.

В мужскую раздевалку он старался проскочить последним, когда одноклассники уже носились по залу, стуча баскетбольными мячами и резко выкрикивая специальные спортивные слова типа «Взял!!» или «Закрой!!!». Сегодня повезло: в кисло пахшей потом и давно не стиранными вещами раздевалке было пусто. Юрий быстро стянул зелёные шерстяные штаны (легонько пахнуло прелостью и мочой), натянул поверх полосатых «семейников» тренировочные брюки и стащил с себя свитер, под которым обнаружилась жёлтая майка с надписью «ЛОТТО МИЛЛИОН».

Жилистый невысокий физрук Иван Иванович (за кумачового цвета нос и образ жизни в целом прозванный Стакан Стаканычем) не сказать чтобы сильно фиксировался на физической подготовке вверенных ему учеников: после краткой пробежки и унижительных занятий вроде прыжков через козла класс получал баскетбольный мяч, делился на две команды и в меру сил изображал увиденное накануне в передаче «Лучшие игры НБА», параллельно глаза на девочек – они в другом конце зала прыгали через скакалку под руководством жены Стакан Стаканыча, физручки Натальи Сергеевны. Для Гноя тут были плюсы и минусы: с одной стороны, шанс увидеть Алину и других красоток класса (длинноногую Ольку Носоглазову и квадратную, зато грудастую Насибову) практически в нижнем белье, а с другой...

– Гной, лови! – донёсся вопль с площадки.

Юрик рефлексивно вытянул руки и схватил баскетбольный мяч. Рецепторы ещё не сделали своё дело; Гной догадался, что происходит что-то нехорошее только по хоровому смеху Корявого, близнецов Кабановых и каратиста Костика Кима. На мяч, перед тем как отдать Гною пас, кто-то от души плюнул так называемым зеленцом.

Тут пробуксовало даже мысленное обращение к футуристическому кибер-витязю Юрию Черепу: было затруднительно представить, что бы он сделал в такой ситуации. Наверное, выпустил бы из пальцев бронескафандра бешено вращающиеся дрели и высверлил бы обидчикам глаза!.. Тут перед мысленным взором Гноя нарисовались неожиданные персонажи: главный редактор Поплавский и грозный Фельдмаршал. «Ты нужен нам, – сказали они хором. – Пощади этих «эстетствующих» недоделков. Тобой очень интересуется Анна, она не расстанется с твоим письмом». Почуввав стремительную подростковую эрекцию, Гной выронил мяч и кинулся в туалет – успокоиться и вымыть руки.

Это Сан-Франциско, город, полный риска

Сразу после школы Юрий для верности направился в игровой клуб «Матрица» – ещё раз посмотреть на Diablo II и, если посетителей будет мало и админ Сергуня окажется в хорошем настроении, даже минут 10 поиграть. Как и все заведения такого типа, «Матрица» находилась в скверно пахнущем подвале. Полтора десятка 15-дюймовых мониторов (Сергуня панибратски называл их «моньками»), по столько же покрытых слоем коричневой грязи полустёршихся клавиатур и едва едущих по засаленным коврикам мышей. За самым дальним «монькой» всегда сидел тихий онанист Дядя Володя и смотрел порно, думая, что об этом никто не знает. Гной, стараясь не глядеть в его сторону, прошмыгнул в небольшую каморку – единоличное царство Сергуни.

Девятнадцатилетний администратор заведения был самым настоящим геймером и от этого казался Юрику полубогом. Его стол был всегда завален коробочками, испещрёнными названиями самых свежих игр, логотипами «Фагус» и «Восьмой волк» и завлекательными фразами вроде «полная русифицированная версия». Пираты, сами того не зная, попали тут в точку: назвать их труд «переводом» было бы слишком уж неправильно. «Русифицирование» – это да. Даже эти огрызки игр Сергуня не покупал – ещё не хватало!.. Их в изобилии приносил хозяин клуба Ислам Ибрагимович, державший неподалёку точку по торговле пиратскими играми, видеокассетами и компакт-дисками с музыкой Михаила Шуфутинского и Ивана Кучина.

– Сергунь, я поиграю? – проблеял Гной, пытаясь заглянуть настоящему геймеру в глаза.

Тот сделал вид, что не услышал, и перевернул страницу свежего номера молодёжного развлекательного журнала «Дегенерат». Юрий покосился на издание: там рассказывалось о том, как украсть чужой номер ICQ и как следует напакостить бывшему владельцу; материал начинался с лихого восклицания: «Дарова, перец!»

– Серёжа, можно мне?.. – повторил гость.

Сергуня театрально вздохнул и, не поднимая глаз и не отрываясь от журнала, буркнул:

– Вторая машина, десять минут.

Гной почтительно посмотрел на выданные из журналов постеры, украшавшие стены каморки: там была Божественная Лара Крофт (Гной давно дал себе слово, что женится только на её двойнике), страшные монстры, тоже страшные роботы и, конечно же, отважные эльфийские воительницы в металлических бюстгальтерах. «Мания страны навигаторов» слегка хитрила, превращая в постер центральный разворот журнала; Гной не уставал бичевать их в письмах за то, что на бумаге остаются дырочки от скрепок. Терпеть такой произвол становилось всё невыносимее!..

Diablo II сразу же подтвердила все опасения Юрика: Игорь Шварцнеггер, несмотря на свою несомненную объективность, в игре не разобрался. В голове Гноя сразу же сформировалась сентенция из будущей «статьи»: «Вот Вы говорите что очень низкое разрешение 640×480 и ничего не видно:((((... А на самом деле так играть гораздо удобнее потому что не отвлекаешься на постороннее:)))... А кому не нравится тот пусть покупает приставку:))))))...» Гноя смущал коварный мягкий знак в глагольных формах с окончаниями «тсья» и «ться», поэтому он на всякий случай всегда его ставил: пусть будет. Многоточия же были для глубокомысленности, чтобы читатель понял: он, Юрий Череп, своё дело знает.

Бесплатные десять минут щедрот от настоящего геймера промелькнули как всегда незаметно: едва Юрий разошёлся, как из каморки донёсся гнусавый голос администратора: «Время на второй!..» Гной начал было со вздохом выползать из подвала, но тут события приняли неожиданный и, как оказалось позднее, драматический оборот. Сергуня, вопреки своим правилам, подкинулся, догнал Гноя на ступеньках и возбуждённо спросил:

– Юрец, есть полтинник?

Гной настолько привык быть Гноем, что даже не сразу среагировал на записанное в собственном свидетельстве о рождении имя.

– Не... Двадцать есть. А тебе зачем?

Сергуня придвинулся к Гною вплотную (пахнуло три дня не чищенными зубами) и тихо сказал:

– У Длинного днюха, бухнём сегодня в офисе. Давай баблосы!

Длинный, который был сергуниным ночным сменщиком, называл себя «хардкорным геймером»: он играл только в походовые стратегии, вышедшие не менее пяти лет назад, и мог часами вести дискуссии на тему радикальных отличий Panzer General от Panzer General 2. Гной его в принципе уважал, но считал чересчур заикленным: все игры, в которых были заняты девы в меховых либо стальных бюстгальтерах, Длинный называл «детсадовским говном», а с такой постановкой вопроса Юрик был в корне не согласен.

Дальнейшие события разворачивались с чрезвычайной быстротой. Гной как самый младший метнулся к киоску с избыточной вывеской «Коммерческий магазин» и на выданные Сергуней деньги купил несколько бутылок горькой настойки «Старорусская», три пакетика концентрата «Юпи» и банку кильки в собственном соку. Прижимая пакет к груди, Гной мчался в зловонный подвал в смешанных чувствах: его отношения с алкоголем как-то пока не складывались. Все одноклассники (кроме полудурочного слюнявого Васи Цыбина), судя по разговорам на переменах, давно уже «бухали по-синему» – Гной такие беседы поддерживать боялся по незнанию предмета. Те немногие дни рождения, куда его приглашали, обходились кислым дешёвым (а иногда и безалкогольным) шампанским; от пива он почти не пьянел, зато перманентно страшно хотел в туалет; водки же до сегодняшнего дня Юрику пить не доводилось.

Через полчаса заседание в «офисе» шло полным ходом: Длинный, так и не сняв покрытого катышками чёрного пальто, ловко вылил настойку в пустую пластиковую бутылку из-под напитка «Херши», добавил пакетик «Юпи» и энергично взболтал. Гною досталась грязная чайная чашка с надписью «Серёжа»; первый глоток он отпил с некоторой опаской и потом долго прислушивался к ощущениям. Внутри потеплело. Юрик выпил до дна и смело налил себе ещё. После первого тоста («За тебя, старик!» – рубанул Сергуня) уже не чокались и даже, кажется, забыли, по какому поводу собрались. Поначалу Юрик следил за разговором: Длинный рассказывал о своей ненависти к монополисту Биллу Гейтсу, неизменно называя его «Блин Гадс» – это остроумное выражение он вычитал в молодёжном журнале «Дегенерат». В разгар пламенного монолога Гной вдруг услышал свой голос:

– А я, это, статью пишу. В «Манию навигаторов»!..

Сказать, что собеседники потрясённо замолчали, было никак нельзя: Длинный только недовольно дёрнул правым редким усом, а Сергуня и вовсе не обратил внимания. «Завидуют», – понял Юрик и снова потянулся за пластиковым сосудом.

Скоро всё стало восприниматься в слегка замедленном темпе и пошло волнами, будто смотришь на мир через мутноватое стекло. Ощущение было не сказать чтобы неприятным, поэтому Гной широко открыл рот и захохотал от счастья. Детство кончилось! Он, уважаемый и всенародно известный журналист, сидит в обществе своих взрослых состоявшихся друзей, степенно выпивает и беседует на возвышенные темы, о которых тупые одноклассники не имеют ни малейшего понятия. Юрик потянулся пластиковой вилкой за килькой, подцепил рыбку, но до рта не донёс: пища покатила по ЛОТТО МИЛЛИОН (свитер он снял, упреву), оставив жирный след. Станным образом настроение Гноя от этого только улучшилось, хотя смеяться сил больше не было. Он свесил голову на грудь и повёл пальцем по траектории килечного падения. Длинный тем временем продолжал свой обличительный монолог.

– Понимаешь, старый, это реально паскудство с его стороны. DOS ещё не выработал всех своих возможностей. Гребсти деньги под себя – это некузяво, надо думать о людях!..

Гной мысленно поставил галочку напротив слова «некузяво» – надо будет впредь обязательно использовать при каждом удобном случае. Смешанная с «Юпи» настойка пилаась уже как вода – вкуса он не чувствовал и выпитые чашки считать давно перестал. В теле образовалась непривычная лёгкость: казалось, взмахни руками – и взлетишь, никаких фотонных двигателей не надо. Именно это Юрик немедленно и проделал – взмахнул руками.

Последствия превосходили даже самые смелые его ожидания.

Запястье кибер-витязя задело край картонки, на которой был накрыт стол. Банка кильки с грохотом перевернулась Гнойю на колени, оросив его вонючим жиром. Пластиковая бутылка с напитком богов грохнулась на пол и извергла из себя всё содержимое – почему-то именно это снова повергло Юрика в истеричный, захлёбывающийся хохот.

В этот миг дверь в «офис» отворилась и в неё вдвинулось наряженное в тесный кожаный пиджак туловище, без предупреждения переходившее в бритую голову.

– Вы что тут творите, гондоны ебучие?! – взревело туловище.

Гной продолжал биться в пароксизмах хохота, скорчившись на стуле. Сергуню словно разбил паралич: он не сводил выпученных глаз с вошедшего Ислама Ибрагимовича (а был это именно он). Длинный вскочил и официальным тоном сказал Сергуне:

– Ну бывай, Сережа. Я ж тебе сразу сказал, что на минутку заскочил – а ты «выпьем, выпьем».

С этими словами геймер просочился мимо потрясённого Ислама Ибрагимовича и деловито поспешил вверх по ступенькам. Будь Гной чуть трезвее, он понял бы, что именно поэтому Длинный с самого начала не снимал пальто: предвидел такую возможность развития событий.

– Хули ты молчишь, сучонок?!

Сергуня открыл рот, посидел так с полминуты и снова молча закрыл. Могильную тишину нарушали только всхлипы бьющегося в истерике Гноя и тяжёлое дыхание новоприбывшего.

Первый страшный удар выбил из-под Гноя стул – пьяный кибер-витель рухнул в лужу настойки, слившейся с остатками кильки в большое грязное озеро. Второй пинок пришёлся в грудь парализованному Сергуне. Тихо хрюкнув, тот вместе с креслом опрокинулся навзничь.

– Быро отсюда, недоделок, – рявкнул Ислам Ибрагимович, не глядя на Гноя. – А с тобой мы шас отдельно пообщаемся. Это уже Сергуне.

Юрик, не переставая хихикать, на четвереньках пополз к выходу. На полпути чуть изменил траекторию, сгрёб валявшийся на полу «бомбер» и рюкзак с дискетой; свитер валялся где-то аккуратно посреди театра военных действий – искать его было бы самоубийством.

Ледяной ветер на улице чуть привёл кибер-витязя в себя: стало понятно, что в таком виде возвращаться домой нельзя. Идти больше было некуда. Кроме... дискотеки! Гной блаженно улыбнулся, зачерпнул прямо с тротуара грязный снег и растёр по лицу. Сегодня вечером в школе праздничная дискотека! Обычно он подобными мероприятиями брезговал (плюс, конечно, боялся «шпал» от Корявого и его друзей), но теперь-то!.. Теперь-то он знаменитость!..

Гной икнул, споткнулся и повалился в грязь.

Путь к школе в памяти не сохранился: перед Гноем проплывали обрывки странных, никак между собой не связанных событий. Вот он стоит на школьных ступеньках, во весь голос распевая «Марш космических десантников», опубликованный в «Мании страны навигаторов» пару месяцев назад. Вот он снисходительно говорит вахтёрше бабушке Нюре: «Пресса!.. Вход свободный». Вот его почему-то дружески обнимает за плечо Лёша Корявый, другой рукой поднося к губам полупустую пластиковую бутылку водки «Белый орёл».

Сознание вернулось к Гнойю внезапно. Ощущение было такое, словно он прижат к гигантской палке варёной колбасы «Останкинская», которая почему-то пахнет дешёвыми духами и конским потом. Было темно. Играла громкая музыка: «Это Сан-Франциско, город полный риска!! Это Сан-Франциско, тысячи огней! Мэйд ин Ю-Эс-Эй!!!» По лицу Гноя пробежал спо-

лох стробоскопа – и вдруг стало ясно: он танцует медленный танец с Тушей посреди пустого актового зала.

То есть зал-то был полон – просто вокруг пары образовалась мёртвая зона.

– Это ж не медляк! – выдохнул Гной.

– Какая разница, – прошептала счастливая Туша, начиная очередной круг танца.

Мимо проплывали знакомые лица одноклассников. Близнецы Кабановы издевательски подняли большие пальцы: молодец мол, дуй до горы. Ещё недавно такой добрый Лёша Корявый дождался, пока Гной встретится с ним взглядом, и проартикулировал губами: «Пидор!» Полузнакомые девицы из параллельного класса шептались с выражением брезгливости на ярко накрашенных физиономиях. Показалась Бура – на Гноя она не смотрела, завистливо ловя выражение лица Туши.

Песня про Сан-Франциско подошла к концу, её сменил главный хит сезона – «Овощевод» группы Ace of Base. Одновременно с этим Гной встретился глазами с Алиной Петрозаводской и вдруг понял: он просто обязан объяснить ей всё. Что Туша – это так, мимолётное, что он вообще не знает, как это получилось. Что даже она, Алина, его вообще больше не интересуется: у него без пяти минут роман с божественной Анной. Гной отшвырнул Тушу в сторону (точнее, попытался – партнёрша была его на голову выше, весила вдвое больше и не собиралась так скоро прерывать момент собственного триумфа) и направился к Петрозаводской. Его вело вправо и ужасно хотелось пить, «Овощевод» врезался в мозг адской дрелью. Юрик подумал, что футуристический богатырь (а уж тем более всенародный журналист) должен в любых обстоятельствах сохранять полнейшее хладнокровие и самообладание.

На глазах у изумлённой публики Гной доковылял до Алины и неожиданно для самого себя взял её за плечи (на самом деле, чтобы не упасть). Петрозаводская оторопела и даже не попыталась вырваться. По лицу Юрки снова мазнул стробоскоп. Соученики потрясённо молчали. Здесь Гной понял, что плачет навзрыд.

– Я... я тебя... как ты могла... носатый...

Алина пришла в себя и начала выдираться; её ярко-алые (сорок минут перед зеркалом!) губы начали было складываться в грязное ругательство, как Гной вдруг совершенно успокоился.

– Прости, – сказал он почти трезвым голосом. Потом оглушительно икнул. Потом его вырвало.

Следующее утро было самым чудовищным в жизни Юрия «Dark Skull» Черепанова aka Тёмный Череп. В голове (особенно в области затылка и над глазами) творилась ядерная война. В рот, казалось, забралось и сдохло какое-то животное вроде крупного хорька. Гной полежал какое-то время с закрытыми глазами, понял, что его начинает крутить, как бельё в стиральной машине (этот эффект знающие Юриковы одноклассники называли «вертолёттики») и попытался разлепить веки.

Боль была чудовищной. Казалось, в глазницы забили два раскалённых гвоздя. Юрик взвыл было, но тут же умолк: у изголовья стояла мама, которой, несмотря на субботу, полагалось быть на работе: конец года, квартальный отчёт, Юрик не вникал.

– Сколько время... – простонал похмельный кибер-богатырь.

– Вставай.

Гной начал было выкарабкиваться из-под одеяла, в процессе чего понял, что из одежды на нём только один носок. Мать безжизненным голосом сказала:

– Через десять минут чтобы был готов.

Страдая, Гной привёл себя в минимальный порядок (в ванной выяснилось, что руки у него по локоть в грязи, под глазом расцвёл свежий фингал, а на щеке шариковой ручкой схематично нарисован член) и выполз на кухню.

– Ма... можно чаю...

– Одевайся. Директор вызвала.

Гной думал, что хуже ему уже не станет (умыываясь, он вспомнил эпизод с Алиной), но, оказывается, стало, и ещё как.

Ноги по-прежнему заплетались: вообще говоря, он был до сих пор изрядно пьян. Мать держала его за руку – это было бы унижительно, если бы не Юриково текущее состояние. Школа встретила субботней тишиной, и Гной приободрился: может быть, как-то обойдётся. Тем более что нарисованный член удалось растереть до почти полной неузнаваемости!

Из кабинета директрисы доносились странные звуки. Юрик сначала увидел, как мать сжала тонкие губы, и только потом понял: Елена Георгиевна, могущественный директор школы, громко, с театральными подвываниями, рыдает. Мама постучала. Сквозь всхлипы донеслось приглашение войти. Не здороваясь и не обращая внимания на гражданку Неловко, Елена Георгиевна подняла совершенно сухие злые глаза, натужно всхлипнула и прошипела:

– Как ты мог, Черепанов. Такой позор!.. Перед всеми товарищами, перед комиссией из ГорОНО...

Ситуация, если только это было возможно, становилась ещё гаже. Мать попыталась вернуть реплику:

– Елена Георгиевна, я приму меры...

Директриса явно упивалась моментом. Сделав вид, что не слышала, она воздвиглась за столом во весь свой гренадерский рост и с видимым удовольствием отчеканила:

– Я. Буду. Ставить. Вопрос. Об исключении!!

К звёздам!

Вскоре Гной понял, что всё окончательно рухнуло, устался на носки своих грязных ботинок и даже как-то успокоился. Вопли директрисы и извинительный бубнёж матери шли ровным фоном («Позор школы!..» – «Растёт без отца...» – «Наплевал на своих товарищей!..» – «Единственный сын...» – «У меня тысяча учеников, и все как дети мне родные, понимаете, гражданка Неловко, как дети!..»); Юрик стал привычно прикидывать, как повёл бы себя кибер-витязь (ничего дельного в терзаемую первым взрослым бодуном голову не приходило) и как бы напустить побольше объективности в обзор Diablo II.

Елена Георгиевна была настроена серьёзно.

– Даже слышать ничего не хочу, гражданка Неловко. Составляем приказ об исключении, – здесь директрисе пришла в голову новая интересная мысль: – ...И оформляем заявление в детскую комнату милиции!

Гной подумал, что теперь настала материна очередь рыдать, но не тут-то было. На бледных щеках Елены Борисовны расцвёл нездоровый алый румянец. Директриса усилила натиск:

– Нет, а как вы хотели?! – хотя мама Гной ничего не хотела и уже несколько минут страшно молчала. – Хулиганство, пьяный дебош, избиение Алёши Кривенко...

Гной удивился – Алёшей Кривенко был как раз Лёша Корявый, и насчёт избиения Елена Георгиевна явно что-то перепутала. С другой стороны, начала проясняться история с фингалом; неожиданно перспектива исключения из школы начала казаться Юрику не лишённой положительных моментов.

– Это просто в голове не укладывается, – продолжала накручивать себя директриса, – все детки как детки, а вашему больше всех надо! Нееет, пусть разбирается милиция. Таких надо изолировать от общества! Это же садист! Дегенерат! Он опасен для окружающих, вы понимаете это?! Благо четырнадцать лет уже исполнилось, наступает полная уголовная ответственность...

Юрик поднял глаза, чтобы посмотреть, как мама реагирует на директрисины эскапады. Та, кажется, ждала этого: в ту секунду, как их глаза встретились, мать неспешно отвела руку назад, замахнулась и вlepила Гной страшную оплеуху. Елена Георгиевна заткнулась на полуслове и выпучила глаза. Юрик хрюкнул. Мать молча толкнула его плечом и вышла из кабинета. Во второй раз за последние двенадцать часов по щекам Гной покатались слёзы: оказывается, не все жизненные проблемы мог решить вымышленный супербогатырь с фотонным мечом.

Эти выходные были самыми длинными в жизни Юры Черепанова. Не радовала даже боевая фантастика – он бездумно скользил глазами по строчкам, потом собирался с мыслями, перелистывал страницу назад и снова начинал читать со слов «...тяжёлые времена настали на базе православного звёздного мегадесанта “Русич”». «Мания страны навигаторов» была прочитана вплоть до «Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных объявлений»; можно было бы, как обычно, выписать в тетрадку самые гениальные изречения любимых авторов («Ничего особо интересного, кроме легендарности, в игре не осталось»), но теперь это не имело никакого смысла: он, Гной, теперь тоже журналист! Пусть кто-то другой его выписывает. Работа над «статьёй» продвигалась медленно; сначала Юрик решил разобраться с самым сложным – главой «Выводы». Чтобы не гневить Фельдмаршала, следовало избавить её от всяких намёков на мысли и «эстетство» (Юрик сначала решил было соригинальничать и назвать заключительную часть словом «Итоги», но потом в ужасе себя одёрнул), после нескольких часов мучений получилось вот что: «В игре есть много положительных и отрицательных моментов, что говорит о попытке сделать качественный проект. Увы, разработчики не смогли не только воплотить в жизнь все свои обещания. И это неудивительно, поскольку Diablo II – сугубо коммерческий проект». Тут он, честно говоря, немного схитрил: взял старый номер

«Страны навигаторов» и слово в слово переписал «Выводы» статьи Фельдмаршала про какой-то танковый симулятор, заменив только название игры. Вариант был беспроигрышный: в любимом Юриковом журнале такие вещи назывались «равняться на авторитеты». Поколебавшись, Гной решил и всю остальную «статью» исполнить в такой же суровой, увесистой тональности – конечно, жалко было смайлов, но, с другой стороны, теперь в его жизни наступал период серьёзной журналистики.

Мать с ним не разговаривала и вообще смотрела сквозь – поскольку исключение было делом решённым, следовало теперь озаботиться новым местом учёбы. Ситуация осложнялась вмешательством могущественной тайной организации ГорОНО: после всего произошедшего Гною светил в лучшем случае Бурситет для операторов станков, а туда с дискетой на рюкзаке нечего было и соваться.

Неожиданно Гноя посетила важная мысль. Раз уж его письмо произвело такой фурор в редакции «Мании навигаторов», раз уж ему заказали «статью», – следовало брать быка за рога. Точно!.. Кому нужна идиотская школа! Он придет в Москву, откроет ногой высокую деревянную дверь (в представлении Гноя, редакция сидела не то в стилизованном средневековом замке, не то в гигантском небоскрёбе из стекла и бетона), размахисто проследует в кабинет Поплавского, отодвинет опешившую секретаршу и швырнет на стол главному редактору листки со своим трудом. «Что здесь происходит?» – донесётся из-за спины ангельский голос. Юрий Череп медленно обернется через левое плечо и встретится глазами с Анной, которая в этот момент выронит из рук стопку читательских писем...

В этот момент реальность вылила на Гноя очередной ушат ледяной воды: как быть с деньгами на билет? Про саму Москву Гной не беспокоился: в «Мании» ему наверняка положат большую (других в лучшем в мире журнале наверняка не водилось!) зарплату, да и вообще он быстро переедет насовсем к Анне, так что о жилье можно было тоже особо не думать. Наступало время решительных действий.

Гной решительно вынул с книжной полки том своего любимого писателя Епифаненко «Фальшивые игрушки звёзд», открыл на заветной сто раз перечитанной любовной сцене и не без трепета вынул оттуда две тысячи рублей – все свои сбережения. Сколько стоил билет в Москву, он не знал, но был уверен, что хватит. Воодушевлённый, Юрик полез на антресоли за чемоданом с надписью «Турист», от которого почему-то кисло пахло какой-то дрянью.

Гной, стараясь дышать ртом, выгребал из чемодана какие-то старые тряпки, когда в дверном проёме молча воздвиглась мама, о которой одурманенный бриллиантовым дымом кибервитазь успел забыть. Гной уставился на мать, мучительно придумывая объяснение своим действиям – хотя оно, как оказалось, не потребовалось. Гражданка Неловко молча поманила его пальцем; загипнотизированный Юра подошёл... И получил вторую за последние несколько часов оплеуху. Мать, по-прежнему не говоря ни слова, проследовала в кухню – определённо, на сыне она мысленно поставила окончательный крест. Гной больше не рыдал – только стиснул зубы и метнул в освободившиеся недра зловонного чемодана трусы, две запасные майки (повседневную с надписью «Сбербанк России – 80 лет» и праздничную, украшенную логотипом Intel Inside), зелёные штаны с начёсом и... Здесь вещи закончились. Сложив изрядно похудевшую общую тетрадь, ручку с электронными часами и книгу про крейсер «Коловрат», Гной задумался. Во-первых, надо было что-то придумать с подшивкой «Мании страны» (поколебавшись, решил оставить её дома: всё равно в редакции ему по первому требованию выдадут любые номера в любом количестве). Во-вторых, было непонятно с припасами. От индустриального центра Западной Сибири до Москвы было пять дней поездом, а мать была явно не настроена собирать сына в дальнюю дорогу.

Тем же вечером, когда мать легла спать, Юрик совершил дерзкую вылазку на кухню и прошёлся по шкафчикам; в результате удалось добыть килограмм сахара-песка, почти не открытую банку майонеза и полбуханки бородинского хлеба. Консервов в доме не водилось, а

сардельки ему были вроде как ни к чему: сварить их в поезде явно не удалось бы. Гной вздохнул. Мелкие трудности змеились у ног кибер-богатыря, несущегося вперёд, к победе, к славе, к звёздам!

Вечером в воскресенье Гной сходил на вокзал: провести, как сказал бы Фельдмаршал, рекогносцировку на местности. Стараясь не смотреть по сторонам, Юрик миновал чудовищных зловонных нищих, толстых усатых милиционеров, горы клетчатых баулов и другие вокзальные достопримечательности, сунул в окно кассы сыроватые от потной ладони купюры и пробубнил:

– Один до Москвы на завтра.

Всё, однако, оказалось не так просто: на фирменный поезд «Сибирская берёзка» билеты закончились ещё неделю назад, и в ближайшие несколько недель ситуация улучшиться не грозила: Новый же год, понимать надо. Обильно покрытая бородавками кассирша, всем своим видом выражавшая крайнюю степень презрения ко всем покупателям билетов вообще и к Юрию Черепанову в частности, нехотя процедила:

– Есть плацкарт проходящего Воркута – Владикавказ, стоянка в Москве на Курском две минуты. Отправление в понедельник в 7.41. Паспорт.

Такого развития событий Гной не предвидел: ему было 15, до паспорта ещё год жизни.

– У меня... это... нету...

Кассирша завелась с полоборота, неожиданно обнаружив портретное сходство с директрисой Еленой Георгиевной.

– Ходят тут голову морочают!!! Вас много, а я одна!

Хотя, вообще-то, у кассы было пустынно – ситуация с билетами была неожиданностью только для кибер-витязя.

– Глаза бы твои бесстыжие повылазили! Пошёл вон, милицию сейчас вызову!!

Гной уныло отошёл – милицией ему начали угрожать с завидной регулярностью. Усталый на табло. Покосился на киоск с вывеской «Компьютерные игры» («Спектры», ничего интересного). Неожиданно рядом материализовался энергичный вокзальный алкоголик, обдав Гноя сложносочинённым (перегар, моча, пот и множество других ингредиентов) облаком ароматов. Новоприбывший начал говорить, как будто возобновляя только что прерванную беседу:

– ...ить оно вот как, писюн, бывает. В космос летали, Семёныч был ого-го, профессор, нет, подымай выше, Семёныч был генерал, вот такие писюны ему честь отдавали, а теперь чо – просрали всё, нету космоса, нету генералов, вишь, писюн...

Гной с неудовольствием понял, что под «писюном» имелся в виду он сам. Собеседник тем временем продолжал монолог:

– ...еду по Красной площади, Сталин мне честь отдает, а теперь чо, теперь вот так: ни Сталина, ни советской власти трудящих!

С этими словами Семёныч с чувством харкнул Гною на ботинок. Юрик собирался было молча отступить, но тут беседа приняла интересный оборот. Семёныч неожиданно чётко проговорил вполне деловым голосом:

– Слышь, писюн. На владикавказский я тебя посадить могу. Подойдёшь со мной к Нюрке-проводнице, заплатишь две штуки, все будет чики-пуки.

Неожиданно для себя Гной спросил:

– А не обманете?

Если бы Семёныч начал божиться, клясться Сталиным и рвать на себе засаленный ватник (на рукаве которого было почему-то шариковой ручкой написано AC/DC – с молнией посередине), Гной, наверное, убежал бы, но все получилось по-другому.

– Смари, писюн. Поступим так – шобы ты меня не подвёл, оставь шас в залог тысячу, а завтра Нюрке отдашь ещё одну.

Юрик, пребывавший в состоянии аффекта, никакого логического противоречия не уловил и молча вынул из носка купюру. Семёныч осмотрел её на просвет, одобрительно хлопнул Гноя по плечу и бодро зашагал в направлении палаток с шаурмой и спиртным. На полпути благодетель остановился, посмотрел на Гноя и через весь зал ожидания проорал:

– Завтра в семь чтобы здесь был, писюн! Чики-пуки!

Ночь прошла без сна. Сначала Юрик хотел написать матери записку, чтобы не волновалась, но потом потёр щеку и мстительно решил этого не делать: ничего, скоро увидит его фото в «Мании страны навигаторов»! В обнимку с Анной! В школе ещё тоже о многом пожалеют. О своём незаконченном среднем образовании Гной не беспокоился: в «Мании страны навигаторов» гордились тем, что «институтов не кончали». Главное было – «увидеть жизнь» и быть объективным журналистом, остальное приложится. Кому нужны дурацкие дипломы ВУЗов, где заставляют читать унылую русскую литературу про старух и страдания!..

В полшестого утра Гной нацепил бомбер, положил в карман свидетельство о рождении, тщательно переписанный на бумажку адрес редакции «Мании страны навигаторов» и последнюю тысячу рублей. Решил обойтись без драматизма – не оглядывался и сентиментальных вздохов себе не позволял. Взял чемодан, запер дверь, бросил свой ключ в почтовый ящик («мосты сожжены», – мелькнула в голове красивая цитата из учебника истории) и пошёл по направлению к вокзалу: общественный транспорт в такое время ещё не ходил, такси было недоступным.

Как ни странно, посреди пустынного зала ожидания стоял Семёныч. Спать он явно не ложился и был мертвецки пьян; на покрытой редкими пегими волосами голове красовалась свежая кровавая ссадина, полуоторванный рукав с «АЦ молния ДЦ» волочился по полу, оставляя за собой клочки ваты. Гнойю они напомнили хвостик зайчика, которого он играл на школьном утреннике в третьем классе; все учителя были в восторге, мама плакала, и только Алёшка Кривенко, которого никто тогда ещё не называл Корявым, отпустил Юре злой поджопник и громко прошипел слово «гомосек».

– Пссн... Иссуда...

Семёныч, кажется, собирался выполнить свою часть обещания. Юрик, морщась от запаха (заигравшего к утру новыми обертонами), подошёл поближе.

– Дй рррку... Гррой... Сталин... к ордену...

Опёршись на Гноя, Семёныч поковылял на перрон, где тяжело дышала громада сонного поезда «Воркута – Владикавказ». Когда Юрику начало казаться, что путешествие никогда не кончится, спутник уверенно свернул к вагону номер восемь, выпустил локоть провожатого и рухнул на грязный перрон. Оттуда Семёныч протянул указующий перст и изрёк:

– Нюрк... Пссна пссди...

Привлечённая шумом проводница выглянула из вагона, злобно взглянула на распластанного морской звездой Семёныча и быстро сказала Гнойю:

– Быстро залезай, место 32, деньги потом. Чтобы никто не видел!

Юрик забросил в проём чемодан и шмыгнул следом; Нюрка немедленно задраила дверь – поезд отправлялся. Шатаясь, кибер-витязь пошёл по спящему плацкарту искать место 32; вокруг храпели, портили воздух, кричали и издавали другие удивительные звуки. Резко пахло носками и спиртом. Загончик с 32-м местом оказался ярко освещён; Гной робко заглянул туда и понял, что путешествие будет долгим: за столом сидели двое весёлых жилистых мужчин в майках-алкашках и потный тюфяковатый дядька в спортивном костюме; не надо было быть кибер-витязем, чтобы моментально понять, что тут происходит. И верно:

– Очко, Иван Николаич, – бодро объявил один из жилистых и шлёпнул картами по столу. Гной успел заметить на его руке два татуированных перстня, паука и неожиданно милое в таких обстоятельствах слово «КОТ».

Тюфяковатый горестно вздохнул и суетливо полез в карман, но победитель остановил его царственным жестом:

– Оставь, Иван Николаич, потом сочтёмся, – перевёл взгляд на замершего Гноя и без пауз продолжил: – Ты не стой, пионер, ты присаживайся. Раскинь со старшими в дурачка.

В планы Гноя это не входило, но как отказаться, он не знал. Запинал чемодан под полку и робко присел. «Белый лебедь» начал лихо метать карты; ещё до того, как Гной успел к ним прикоснуться, произошли два драматических события.

В проходе появилась проводница Нюрка и зашипела, чтобы Гной давал деньги. Тот протянул последнюю тысячу, но не тут-то было:

– Две тысячи договаривались.

– А... Семёныч...

Не успел Гной возразить что-то внятное, как в беседу вступил третий, доселе молчавший игрок. Страшным гулким голосом, никак не вязавшимся с его хлипким телосложением, он задал на первый взгляд невинный вопрос:

– Ты с людьми без денег за карты хотел сесть, пассажир?

Этапом из Твери, зла немерено

Юрик попытался что-то сказать, но вместо этого только сдавленно вякнул. Не к месту вспомнилась фраза из какого-то боевика, который он смотрел в видеосалоне в ДК «Красный шарикоподшипниковец»: «Ты больше не контролируешь эту ситуацию, Мёрдок!» Гной ещё успел грустно подумать, что свою ситуацию он и не контролировал с самого начала.

Неожиданно за парализованного ужасом футуристического богатыря вступился Белый Лебедь:

– Вась, не труби, кнокай – пионер на кикосе. И ты, гражданочка кондючка, не кошмарь: щас пассажир наливу подгонит, ты попозже заходи.

Тот, кого называли Васей, отвернулся к тёмному окну и отчётливо сказал непонятную, но страшную фразу:

– Добро гадалки не помацал, гумза.

Проводница оценила ситуацию, поджала губы, прошипела что-то про уголовников и застучала каблуками прочь. Здесь признаки жизни подал толстый Иван Николаевич:

– Ладно, ребятушки, я на боковую. Денюжки попозже отдам, ага?..

Белый Лебедь смерил попутчика колючим взглядом и сладким голосом произнёс:

– Ты не спеши, Иван Николаич. Дорога долгая. Может, отыграешься завтра. Только ты уж нас не обмани, милчеловек.

Вроде бы никакой угрозы во всём этом не было, но толстый Гноев попутчик смертельно побледнел, забегал глазами и суетливо полез на верхнюю полку, тяжело пыхтя и извиняясь. Лебедь посмотрел ему вслед, потом уставился ввалившимися блестящими глазами на ошалевшего Юрку. Тонкие губы растянулись в приторной улыбке (Гной сразу вспомнил цитату из какого-то фэнтези – там у злого короля усмешка была, дескать, похожа на ножевую рану в животе трупа), тускло блеснула фикса и попутчик сказал:

– Ну что, пионер, раз денег нет – может, на просто так раскинем?

Немедленно и необъяснимо оживился Вася – тихо рассмеялся и добавил:

– В дурачка, а? Чтобы дядям не так скучно было ехать?

Гной подумал, что в дурака-то на просто так большого вреда не будет и открыл рот, чтобы согласиться. В эту секунду раздался оглушительный кашель, и по проходу плацкартного вагона проковылял старик с полотенцем и разлохмаченной зубной щёткой в ладони. Как по сигналу, начали просыпаться и остальные путешественники, загремела подстаканниками Нюрка, и в вагоне стремительно закипела обычная железнодорожная жизнь. Двое попутчиков уставились на Гноя с нескрываемым сожалением, потом молча переглянулись. Наконец, Белый Лебедь поскукнел и равнодушно бросил:

– Ладно, чухнарь, спокойной-ночи-малыши. Шконка твоя сверху.

Гной засуетился, не зная, куда приткнуть чемодан: под нижними полками всё было заставлено какими-то баулами, а до антресолей он бы ни за что не дотянулся. Наконец, кое-как разместив пожитки, Юрик прямо в «бомбере» вскарабкался наверх и закрыл глаза. От нервов и холода его колотила крупная дрожь, уснуть не было никакой возможности. Постельного белья ему, естественно, не дали, поэтому пришлось скрючиться прямо на грязном матрасе. Внизу попутчики тихо беседовали – сквозь стук собственных зубов Гной слышал странные слова «чесать лохматого», «галантина насыпная» и «месить глину». «Наверное, строители», – понял без пяти минут великий игровой журналист Юрий «Череп» Черепанов и неожиданно для себя провалился в дурной, без сновидений, сон.

Путешествие шло муторно. К карточному столу его больше не приглашали: попутчики вообще в основном спали, накинув на костлявые плечи тонкие поездные одеяла. Следующим вечером Вася стукнул снизу в дно Юрикова ложа и сказал:

– За чайком стоняй, гумза.

Гной попытался прикинуться спящим. Через минуту кулак врезался в верхнюю полку так, что наш герой подпрыгнул.

– Алё, универсал. Попутал там, что ли, совсем?

Юрий Череп вздохнул и сполз вниз. На полдороге к нюркиному царству возникла одна важная мысль, пришлось вернуться.

– А вам, эээ, этсамое, с сахаром?

Вася сначала непонимающе на него уставился, потом моргнул и отмахнулся.

– На твой вкус, чухнарь.

Белый Лебедь хмыкнул:

– Смотри, Вась, зашкваришься.

Нюрка, услышав просьбу, прошипела «в Красносибирске в милицию всех сдам» и крутанула какую-то ручку на водонагревателе. Неожиданно Гной услышал собственный срывающийся голос:

– Тётъ Нюр... Они сказали на мой вкус... А я не знаю...

В глазах зашипало, супержурналист с характерным звуком втянул соплю. Подбородок дрожал.

Нельзя сказать, чтобы проводница так уж прямо смягчилась: если каждого жалеть, как говаривал бригадир поезда Степаныч, поломается кровать. Но этот конкретный гадёныш был каким-то совсем несчастным. Нюрка поморщилась, взяла пачку чая, бухнула сразу половину в стакан (благо потребности такого контингента ей были хорошо известны), залила кипятком и положила сверху блюдце.

– Неси.

Гной побрёл обратно. В плацкартном вагоне бурлила обычная в таких случаях деятельность: в одном загончике бренчали на гитаре дембеля, выпендриваясь перед двумя некрасивыми толстыми девками. В другом молча сидели три страшные сморщенные бабки в платках. В третьем храпел и шумно портил воздух исполинский бородач в трещащем по швам спортивном костюме. Вагонное радио надрывалось песней «На теплоходе музыка играет, а я одна стою на берегу».

Белый Лебедь и Вася встретили Гноя неожиданно: хором захохотали и немедленно забрали стакан.

– Нормально ты, пионер, жизнь повидал, – с некоторым даже оттенком уважения заметил Лебедь.

– Чё ты с фраером балаболишь, чифирнем давай, – оборвал попутчик.

Скоро Гной проголодался. Пришлось затащить чемодан к себе на верхнюю полку, скрючиться в три погибели и... Здесь путешественника ожидал ещё один неприятный сюрприз: пакет с сахаром порвался, а баночка майонеза разбилась. В получившейся массе плавала Гноева парадная майка, томик про звездолёт «Коловрат» и все прочие Юриковы пожитки. Гной подумал, сунул в месиво палец и облизал. Тошно, конечно, но есть можно. Так, черпая из чемодана сладкий майонез, он и поужинал. Засыпая, кибер-витязь думал о том, как они с Анной поедут знакомиться с матерью (он её уже простил) в Западносибирск. У них будет целое купе – без попутчиков. Или даже спальный вагон!.. Ни одного спального вагона Юрик в жизни и близко не видел, но полагал, что это настоящий рай на колёсах.

Проснувшись следующим утром, Юрик обнаружил прямо перед своим носом милицескую фуражку. Белый Лебедь и Вася исчезли. Как вскоре выяснилось, с ними исчез Гноев чемодан (вместе с остатками сахара и майонеза, а также с Гноевым свидетельством о рождении), все вещи давешнего картёжника Ивана Николаича и нюркины золотые серёжки. При этом проводница держалась на редкость мужественно, а вот Иван Николаич в голос, с бабьими подвываниями, рыдал. Гной попытался изобразить то, что в его любимых книгах описывалось как

«тонко и презрительно улыбнулся». Ничто уже не было способно встать между ним и «Манией страны навигаторов» – самое дорогое, адрес редакции и несколько листов со «статьей», воров не досталось: он хранил всё это под майкой, поближе к сердцу. Естественно, все остальные потери ему в редакции возместят. Он уже представлял, с какой сардонической усмешкой будет рассказывать Анне о небольшом дорожном приключении: «Всё равно давно было пора сменить этот чемодан на что-то более приличное»... Да, вот так. Тут Гной подумал и мысленно заменил слово «приличное» на «стильное». Это была опасная грань: сразу за эпитетом «стильный» начиналось ненавистное эстетство, но Гной был уверен, что Анна оценит слог.

Остаток пути у них с проводницей установилась не сказать чтобы дружба, но некоторый нейтралитет. Юрик сказал ей, что как раз собирался оплатить остаток проезда – но тут негодяи спёрли его багаж, и что уж теперь поделаешь. Нюрка, в свою очередь, «вошла в положение» и подкармливала пассажира деревянной консистенции сушками и пряниками. Гной переносил страдания стойчески: он мысленно примерил ситуацию на футуристического богатыря Юрия Черепа. Получилось даже неплохо: это был как будто такой транспортный звездолёт, несущийся из Внешнего Кольца обитаемых миров к столице Империи – планете Китежь. В грузовом трюме левиафана и нашёл свой приют потрепанный в боях, но не сломленный кибер-витязь, у которого псевдоразумные гнидогадоиды с планеты Янтарный Чухон попятчили фотонный меч и этот, как его, ультрабластер.

Когда до Москвы осталась последняя ночь, изрядно запаршивевший к этому времени Гной заперся в туалете и привёл себя в минимальный порядок: побрызгал гнилой водой из рукомыльника себе под мышки, почистил пальцем зубы, выдавил со лба два прыща и строго посмотрел своему изображению в красные глаза.

– Отлично выглядишь, Юрий Череп. Будущее уже наступает.

Тут дверь вагонного сортира распахнулась (Гной забыл запереть её на защёлку) и в проёме воздвигся один из дембелей и его абсолютно квадратная подруга с высокой причёской пергидрольного цвета. Кавалер был по последней дембельской моде увешан аксельбантами и блестящими значками, на его затылке удивительным образом держалась фуражка с гигантской тульёй и почему-то перевёрнутой кокардой. Подруга тяжело, с хрюканьем, дышала и что-то мычала. Всё это время пара шумно целовалась. Гной выпучил глаза и прижался спиной к грязной стене; дембель осознал, что случилась какая-то внеплановая помеха, зыркнул на Юрика из-под редких бровей и, не отрываясь от своей пассии, попытался пнуть его сапогом. Протерев бомбером всё туалетное пространство, Гной умудрился-таки выскользнуть в коридор, зайцем метнулся на свою верхнюю полку и скрючился там, поглаживая сквозь майку драгоценные листки. Ничего-ничего. Слава была уже близко. Юрий прикрыл глаза и стал в тысячный раз представлять, как произойдёт историческое событие. Вот Поплавский становится перед ним на колени... хотя нет, это как-то слишком. И вообще, начать надо сначала. Редакцию Гной представлял себе довольно смутно: знал только, что «Мания страны навигаторов» квартирует в каком-то высотном здании; возможно – небоскрёбе. Остальное Юрик додумал: огромный кабинет главного редактора... деревянный стол, кресло с высокой спинкой... вид на... на Кремль! (Наверняка в Москве отовсюду видно Кремль, но из кабинета Поплавского на него открывается особенно роскошная панорама.) После первых приветствий и заключения контракта его, Юрия Черепанова aka Dark Skull, наверняка поведут на экскурсию по просторным кабинетам, где творят его любимые авторы. Скажет суровые приветственные слова представительный Фельдмаршал. Улыбнётся в усы Игорь Шварцнеггер, привстав из просторного кожаного кресла. Про Анну он решил пока не думать... И вот в конце концов его проводят к собственному рабочему месту: большой комнате, пахнущей почему-то стружкой и сосновым освежителем воздуха. На огромном столе стоит гигантский монитор, новенький компьютер, подшивка журналов за последний год... Дальше фантазия Гноя пробуксовывала. По идее, ведущему журналисту должны были бы предоставить ещё и приставку Playstation, но ведь у

приставок, как известно даже малым детям, нет души – тут было какое-то странное противоречие. С этими мыслями Гной уснул.

Москва встретила кибер-витязя адским холодом, грязью и нищими. Даже в родном Западносибирске Юрик так не мерз – здесь лютый ветер забирался прямо под бомбер, хлестал по щекам, заставлял шуриться и рыдать. Кремля пока видно не было.

Первые несколько шагов по платформе Курского вокзала дались Гною нелегко; пройдя несколько шагов, он остановился, чтобы собраться с мыслями. Вещей не было, доставать бумажку с адресом смысла не имело – адрес редакции он помнил наизусть: улица Василисы Кожаной, дом 6. Теперь надо было найти метро и...

– Хуль ты тут стал, эээ? – донеслось откуда-то снизу.

Гной с высоты своего невеликого роста уставился на источник звука: грязного чернявого мальчика лет шести.

– Давай-давай, ходи-ходи, пока жопа не отрезаль. Здесь Артур работает.

С этими словами мальчик прицельно плюнул Юрику на штанину.

Пришлось тактически ретироваться.

С метро сложностей не возникло: денег у Гноя не было ни копейки, но был он так грязен и так скверно пах, что бабушки у турникетов предпочли не обратить на его манёвры внимания – чтобы, как выразились бы давешние Юриковы попутчики, не зашквариться. Прижавшись к какой-то согбенной старухе с баулами, кибер-витель проник в чрево метрополитена.

К станции «Динамо» он прибыл практически на автопилоте: несколько дней полуголодного путешествия сильно его вымотали, плюс начинала беспокоить некоторая неопределённость происходящего. А ну как Поплавский сейчас в командировке у ребят из студии Blizzard, а без него возместить Гною расходы никто не сможет?..

Темнело в Москве стремительно – в начале декабря в пять часов вечера уже ничто не напоминало о том, что в мире существует солнце. Немного поблуждав в длинном бестолковом переходе с множеством отростков, Юрик выбрался на поверхность – и замер. Невдалеке высилась стеклянная офисная башня, красиво подсвеченная со всех сторон прожекторами. Вот оно!.. Не помня себя (но не забывая придерживать под майкой листочки), Гной побрёл к редакции «Мании страны навигаторов» – в том, что это была именно она, сомнений уже никаких не оставалось.

У подножия сверкающей башни Юрик остановился. Надо было почувствовать этот момент, ощутить его вкус. Текли последние минуты его жизни в статусе Юрки Гноя, ученика 10-го Б класса, исключённого из школы за пьяный дебош и избиение Алексея Кривенко. Началось будущее в статусе мега-звезды игровой журналистики Юрия «Dark Skull» Черепанова. Прищурясь, Гной попытался разглядеть окна на верхних этажах дома номер 6 по улице Василисы Кожаной: хорошо бы заранее понять, на месте Поплавский или нет.

Разглядеть, конечно же, ничего не удалось. Кибер-витель уверенно улыбнулся своим мыслям, потрогал лоб (выдавленные вчера вечером прыщи болели) и уверенно двинулся к огромным деревянным дверям «Мании страны навигаторов». Соответствующей таблички у входа почему-то не было, но это Юрика как раз не смутило: зачем всяким посторонним людям знать, где квартирует лучший в мире журнал о компьютерных играх!.. Информация об этом должна быть доступна только избранным. Только тем, кто каждый месяц открывает заветные страницы.

Гной положил ладонь на холодную медную ручку и секунду помедлил. Мечты начали сбываться. Будущее наступило. Кибер-витель коротко улыбнулся и решительно толкнул дверь.

Бал монстров

На пороге Гной замер: ничего подобного в жизни ему видеть не доводилось. Огромный светлый колодец поднимался ввысь, по его сторонам бесшумно скользили прозрачные лифты. Невесть откуда доносилась тихая райская музыка. Всё это было похоже на земное посольство расы энергетических светоидов... Дальнейшее только подтверждало догадку: метрах в десяти от Гной, по другую сторону просторного холла, за гигантской мраморной стойкой сидела самая красивая женщина, которую он только мог себе вообразить. Алина Петрозаводская была в сравнении с этой богиней кряжистой провинциальной дурнушкой, даже карандашные рисунки Анны несколько бледнели в сравнении с умопомрачительной блондинкой. Определённо, он абсолютно правильно представлял себе жизнь лучшего в мире журнала о компьютерных играх.

Здесь реальность, как это у неё заведено, стала покушаться на окружающий Юрика идеальный мир. Перед стойкой, как он с неудовольствием заметил, стоял какой-то неприятный сутулый тип в шапочке-«пидорке», из-под которой торчал тощий сальный хвост. Тип забирал у королевы светоидов какие-то конверты и что-то монотонно бубнил.

«Так, – запульсировала между ушей Гной стремительная мысль. – Кто-то опередил меня, устроился в «Манию страны», занял мое место». Он наконец отпустил дверную ручку и быстро зашагал к ресепшену; потрясающая красotka так ни разу и не подняла на него глаз, поглощённая волосатым посетителем. Гной буравил его спину пылающим взглядом: некогда синий, а теперь неопределённо-грязный коричневый пуховик... стоптанные ботинки, от которых за несколько метров несло кислым смрадом... Юрик успокоился: наверное, бомж какой-то. Такие монстры не могут иметь никакого отношения к любимому журналу. Слово в подтверждение его слов откуда-то с периферии зрения воздвиглась шкафообразная фигура охранника, двинувшегося к стойке. Сейчас – ещё секунда, и всё вернётся на свои места. Минут через десять он, Юрий Череп, уже будет пить крепкий душистый кофе в кабинете Поплавского...

Здесь на его затылке сомкнулись крепкие, совершенно деревянные по ощущениям пальцы. Сбоку громыкнуло:

– Вам помочь, мужчина?

Несмотря на неуместность подобных эмоций, Гной внутренне обрадовался: мужчиной его назвали в первый раз в жизни. Следовало, однако, как-то прояснить возникшее недопонимание.

– Я... в «Манию»... мне надо!

На шум обернулись богиня и её посетитель – Юрик успел заметить омерзительную редкую бородку, волоски в которой отстояли друг от друга, кажется, на несколько сантиметров, толстые очки в пластмассовой оправе и гигантскую коричневую родинку на щеке. Нет-нет, это точно недоразумение. Гной покосился на своего оппонента и попытался улыбнуться:

– Меня ждёт Поплавский...

Охранник легко, как ребёнка, развернул его и уверенно повлёк обратно к дверям. Кибервизитязя кольнула первая паника, голос сорвался на визг:

– Мне в журнал!.. Пустите!..

Блондинка за стойкой закатила глаза с выражением «психи проклятые». Гноя начинала всерьёз беспокоить нелогичность происходящего – как же так?.. Ошибиться он не мог: адрес совпадал, офис был максимально похож на все обмолвки любимых авторов про «башню из стекла и бетона». Он попытался вывернуться, но капкан на шее только сомкнулся теснее.

– Вы ошиблись, мужчина, – бухнуло над ухом. Дверь открылась с мягким жужжанием («на сервомоторах», – зачем-то успел уважительно подумать Гной) и, сопровождаемый сильным пинком в копчик, кибернетический богатырь Dark Skull вылетел на злой московский мороз.

Пока он тряс головой и ощупывал под курткой драгоценные листки, сзади донёсся звук открываемой двери. Ну, наконец-то!.. Наверняка Поплавскому доложили, что произошло страшное недоразумение, и он лично побежал извиняться перед новым сотрудником!.. Юрик тепло улыбнулся и начал было поворачиваться к заветному входу – здесь перед ним возник давешний бомж, пасшийся у стойки.

– Слышь, ты это, в «Страну», да? – протараторило существо. Говорил он быстро и как-то, что ли, влажно, чуть плямкая губами и проглатывая окончания.

Гной растерянно кивнул.

– Так это ж почтовый адрес, понял? Сюда почту доставляют. Письма, это.

Юрик помимо воли уставился на родинку собеседника: вблизи она казалась ещё больше; из самого центра росли два длинных выющихся чёрных волоса. Кибер-витязь подавил спазм в пустом желудке и спросил:

– А где редакция?

– Да это, пошли провожу. Я как раз туда. Это.

Гной опешил. Окрестная реальность начинала преломляться каким-то крайне причудливым образом; мозг буксовал и пытался найти логичные объяснения ситуации. Юрик осторожно поинтересовался:

– Ты там, что ли, курьером?..

Собеседник мелко засмеялся и шмыгнул пористым носом.

– Хи-хи-хи. Типа работаю, это. Я, это, Игорёк.

Гной рассеянно пожал влажную бледную ладонь. Всё это было очень странно. Спутники пошли обратно к метро, причём новоприбывшая звезда игровой журналистики еле волочила ноги, а жутковатый Игорёк был страшно бодр, размахивал руками, рассказывал анекдоты про геймеров (все их Гной читал в старых номерах журнала, поэтому быстро прекратил изображать вежливую улыбку) и приставал с расспросами, которые Юрик игнорировал: надо было срочно понять, что вообще происходит.

Из поезда в поезд они пересаживались бесконечно – весь Западносибирск за это время можно было объехать из конца в конец и обратно раз семь. Однажды Юрик даже минут на десять уснул. Вскоре оказалось, что метрополитеном путешествие не ограничится: спутники долго ждали на пустынной ледяной остановке маршрутку и под аккомпанемент песни «Кольщик, наколи мне купола» мчались по, как казалось окончательно ошалевшему Юрику, какой-то степи. Несколько раз он спрашивал Игорька, всё ли он правильно понял и действительно ли они едут в редакцию «Мании страны навигаторов», – тот всем своим видом, включая гримасы и жестикуляцию, давал понять, что дело обстоит именно так.

Из пустой маршрутки они выкарабкались в крайне странном месте: пейзаж напоминал горячо любимую Гноем игру Fallout, переехавшую на Крайний Север. Ветер гнал по чёрной ледяной пустоши смерчки снега, во мгле робко мерцали два уличных фонаря: свирепая ночь, как показалось впечатлительному Юрику, вот-вот поглотит их, и на мир опустятся вековая тьма и апокалипсис.

Когда глаза привыкли к мраку, Гной заметил в отдалении громаду какого-то по виду заброшенного завода – именно в том направлении и устремился неунывающий Игорёк. Кибер-витязь уныло поплёлся следом – становилось окончательно понятно, что где-то в расчётах своей будущей жизни и карьеры он допустил серьёзную ошибку.

Гноев провожатый явно хорошо знал дорогу и вообще чувствовал себя как дома – даже зачем-то громко поздоровался с бредущим в отдалении согбенным нищим в треухе и с авоськой. Район был не таким уж необитаемым, как показалось на первый взгляд: в отдалении громоздились гигантские многоэтажные жилые дома, на первом этаже одного из них даже весело мигала неоновая вывеска «Игровые автоматы». Юрик приободрился: всё не могло быть так уж плохо. Скорее всего, в редакции «Мании страны навигаторов» просто был ремонт, поэтому

журнал и перебазировался на, как сказал бы Фельдмаршал, «запасной аэродром». А завод... Ну что завод. Наверное, это просто для конспирации!

– Ты, это, вахтёра не бойся, – сказал новый знакомый (Юрик всё не мог привыкнуть к столичной манере растягивать гласные: в его родном городе только за одно слово «ваахтёёр» можно было надолго угодить в больницу со множественными переломами всего).

Вахтёр, между тем, резал мутную варёную колбасу на газете «Спорт-экспресс», вперившись в переносной чёрно-белый телевизор – до ночных визитёров дела ему не было.

– А не поздно? – спросил вдруг Гной. Игорёк сверкнул стёклами очков и хихикнул:

– Там, это, никогда не поздно.

Юрика начало ощутимо потряхивать: мечта, так коварно ускользавшая от него всё последнее время, была совсем близко. Скоро он избавится от постылого курьера Игорька и рухнет в дружеские объятия любимых авторов. Наверное, сегодня просто сдаётся номер – вот все и засиделись допоздна. В «статьях» было много плача на эту тему, так что пока всё вроде бы сходилась.

Поблуждав некоторое время по тёмным коридорам и лестницам, залитым мёртвым дрожащим «дневным светом», путники снова вышли на улицу: во внутренний двор. Гной от волнения начало тошнить – ещё не хватало, подумал футуристический герой, повторить печальный опыт с дискотеккой...

Они вошли в какой-то другой корпус, снова поднялись по лестнице и остановились посреди тёмного коридора.

– Это, пришли, хе-хе.

Игорёк бесцеремонно пнул ногой обнаружившуюся неподалёку дверь и сделал приглашающий жест. Гной на подгибающихся ногах преодолел разделяющее их расстояние, перешагнул порог и замер. Его глазам открылось удивительное зрелище.

Больше всего редакция «Мании страны навигаторов» (а это была именно она) напоминала общежитие мореходного училища: в крошечной комнате, освещённой свисающей с потолка лампочкой, теснились три раскладушки без намёков на белье, толпились какие-то люди (некоторые, как показалось сначала Гною, даже в тельняшках) и стояла тягчайшая вонь неделями не снимаемых носков. Юрик даже не сразу заметил мерцание мониторов: их было всего два. Ни на одном не происходило ничего похожего на игру. Стол в помещении был всего один: с краю теснились клавиатура, несколько грязных мышей и гора коробочек с играми – Гной с лёгкой неприязнью узнал почти весь ассортимент Ислама Ибрагимовича. Всё это было сейчас забыто: собравшиеся сгрудились вокруг двух початых бутылок водки «Распутин», полупустого баллона с маринованными кабачками и тарелкой с нарезанным хлебом.

Здесь Игорёк стукнул хлипким кулаком по стене и крикнул:

– Это, я читателя привел!

Кто-то громко и нетрезво засмеялся, но в целом появление Гной никакого фурора не произвело. Юрик лихорадочно рассматривал присутствующих, пытаясь сопоставить их с фотографиями в журнале и понять, что ещё приготовила ему затейница-судьба. Вот этот брюнет вроде бы похож на Поплавского, только сильно поправившегося, постаревшего и обрюзгшего... Фельдмаршала, Игоря Шварцнеггера и уж тем более Анны видно не было. Все прочие неопределённого возраста люди были ему незнакомы – похоже, испытания ещё не закончились. На Гной, впрочем, снизошло какое-то странное спокойствие: видимо, так чувствовал бы себя кибер-богатырь, провалившись в параллельную реальность вурдалаков. Скоро, скоро он проснётся – может быть, дома, со свежим номером «Мании» под подушкой... Или даже в плацкартном вагоне по дороге в Москву. Всё окружающее было как-то очень уж далеко за пределами его адекватного восприятия.

Игорёк тем временем высыпал конверты, принесённые из посольства светоидов, в эмалированное ведро с окурками и прочим мусором, скинул пуховик и устремился к столу. Снова

поднялся галдёж: говорили словно бы русскими словами, но на каком-то непонятном языке. Невысокий круглоголовый мужичок лет тридцати в тельняшке и с усами щёткой втолковывал рыхлому кудрявому верзиле:

– Я тебе говорю: «Неон евангелион» – это самое ня! Для кавайных гайдзинских отаку!

Тот возражал:

– Я смотрю только хентай и яой... И «Сэйлор мун»...

Игорёк стремительно налил себе водки, подскочил к толстой и неопрятной версии элгантного Поплавского и начал что-то рассказывать ему на ухо, поминутно оглядываясь на Гноя и блестя очками. Человек, отдалённо похожий на главного редактора лучшего в мире журнала о компьютерных играх, тяжело встал, случайно раздавив ладонью кусок кабачка, и пошёл навстречу гостю. Юрик сглотнул тяжёлую слюну.

– Ты по какому вопросу, на? – проскрипел неприветливый голос, который Гной представлял себе совершенно иначе.

Прежде чем наш герой успел придумать внятный ответ, входная дверь снова распахнулась, и на пороге воздвигся давешний бомж, с которым Игорёк поздоровался на подступах к заводу. Присутствующие загоготали и разразились приветственными возгласами; похожий на Поплавского дядька забыл про посетителя, раскрыл объятия и бросился к вошедшему, по дороге он взревел: «ФЕЛЬДМАРШАЛ!»

Гной ошалело попытался сравнить скрюченного гостя с широкоплечим седовласым предводителем океанских ракетно-ядерных эскадр и не нашёл ничего общего; фото в журнале не имело к главному ненавистнику эстетствующих графоманов никакого отношения. Тем временем Фельдмаршал церемонно обнялся с Поплавским (всё-таки, видимо, это был он), скинул тулуп, обнаружив под ним несвежую шерстяную рубаху в крупную клетку, и поспешил к столу с нехитрой трапезой.

Вечеринка вспыхнула с новой силой. Гной, на которого быстро перестали обращать внимание, сел на угол одной из раскладушек и начал было засыпать, как рядом с ним плюхнулся уже довольно пьяный Игорёк.

– Ты, это, чо пришёл-то?

Гной задумался: излагать всю историю, начиная с Западносибирска, какому-то курьеру в его планы не входило, Поплавский был поглощён общением с Фельдмаршалом; в общем, надо было как-то выкручиваться. Он ответил вопросом на вопрос:

– А ты тут чем занимаешься?

Игорёк важно улыбнулся (на фоне переднего верхнего зуба красовалась дыра, пахло так, словно с зубной щёткой эта ротовая полость не встречалась уже месяца четыре), перегнулся через раскладушку, выудил откуда-то с пола грязный позапрошлый номер лучшего в мире журнала, быстро перелистал и раскрыл на «статье» про Diablo II.

Гной сглотнул вязкую, горькую слюну.

– Так ты... Игорь Шварцнеггер?..

Игорёк издал смешок и шутовски поклонился, не забыв придержать очки. Мир вокруг Гноя в очередной раз рушился. Фотографий Шварцнеггера в журнале, собственно говоря, не было – вместо них красовались портреты видного культуриста и исполнителя главной роли в фильме «Терминатор». Юрик ожидал чего угодно, но ТАКОГО... Срочно надо было выяснить одну жизненно важную вещь. Напустив на себя максимально безразличный вид, Гной поинтересовался:

– А у Анны сегодня выходной?

Собеседник взорвался таким хохотом, что все разговоры в редакции моментально стихли. Все присутствующие смотрели на Игорька, заходившегося воем и повторявшего слова «у Анны выходной». Гной почувствовал, что теряет сознание.

Смех фальшивого Шварцнеггера прервался так же неожиданно, как и начался. Он серьёзно посмотрел в глаза полумёртвому от шока Юрику и сказал:

– Так, это, я и есть Анна. Это мой псевдоним.

Тут Игорёк скорчил отвратительную гримасу, вытянул сальные губы трубочкой и подался к Гною.

– У-сю-сю!.. Поцелуй Анечку!..

Во имя объективности

Проснувшись, Гной долго не мог понять, где находится: к щеке прилипла журнальная страница с куском объективной статьи про Diablo II, стоял кислый запах вчерашней попойки, а прямо перед глазами на стене красовался кусок импровизированных обоев: газета «Мегаполис-Экссесс». Юрик, ещё до конца не придя в себя, пробежал глазами заголовок «На Камчатке появился религиозный сифилис», хмыкнул, но сразу поморщился: это, конечно, был не лучший на планете и в галактике журнал о компьютерных...

Здесь его подбросило.

Юрик вскочил с раскладушки и взвыл – во второй раз за неделю его терзало жесточайшее похмелье. Перед мысленным взором проплывали фрагменты вчерашнего: шок от выходки Игорька... Пьяный Поплавский, протягивавший гостю стакан... Братание с усачом в тельняшке и долгий мутный разговор о преимуществах хентая перед яоем (или наоборот)... Крики «НЯ!» перед каждым тостом... Чем всё закончилось, он помнил крайне смутно.

Со стороны второй раскладушки донеслось кряхтение и плямканье: там заворочался Игорёк. Гной покосился на него с неприязнью: вчера удалось обратить всю историю с Анной в шутку, но на самом деле, конечно, в его сердце зияла гигантская сквозная рана. Все свои предыдущие приключения он до сего момента мысленно проигрывал в двух вариантах: глазами футуристического богатыря Юрия Черепа и в виде ленивого рассказа восхищённой Анне за бокалом шампанского. Ах, Анна...

Гной злобно взглянул на соседнее ложе. Игорёк, свесив голову, шарил под раскладушкой и что-то бубнил себе под нос. После пары минут манипуляций он вытащил мятую пластиковую бутылку системы «сиська», на которой красовалась кривая этикетка «Очаковский СИДОР». Подмигнув Юрику сразу двумя глазами, Игорь Шварцнеггер сделал большой глоток, рыгнул и протянул бутылку гостю:

– Ты, это, пей! Напиток богов!

Гной посмотрел на мутную жидкость, в которой плавали крошки и какие-то волосы, и отказался. Игорёк пожал плечами, почесался под грязным одеялом и сказал:

– Это, прём ко мне щас. А вечером редколлегия будет, попросишь Поплавского дать, это, статью.

Юрик опешил.

– Что дать?..

– Ну это – написать статью. Варез я тебе скачаю, прога для шотов есть, у меня, это, погамишься.

Корявый программистский суржик звучал для истерзанного невзгодами Гноя райской музыкой. Впервые за чёрт знает какое время он улыбнулся.

– А зарплату дадут?..

Игорёк неопределённо хмыкнул, издал горлом клокочущий звук и жирно плюнул прямо на пол священной редакции «Мании страны навигаторов».

Через десять минут Игорёк уже трюхал по хрустящему декабрьскому снежку, расписывая Гною прелести работы в «Мании страны»: бесплатный варез, анлим даялап инет, чо еще, адрес на @stranavigatorov.ru... Юрик приободрился. Игорь Терминатор жил в двух кварталах от редакции – в одной из тех многоэтажек, что Гной заметил накануне. Игровые журналисты неуютно долго поднимались в тесном лифте: Игорёк смотрел на Юрика в упор и странно улыбался; тот рефлекторно старался выдерживать максимальную дистанцию и в конце концов неловко вжался в угол, украшенный загадочной надписью «СТАРОКОНЬ ГОМОСЕК».

Игорёк шмыгнул в тёмную нишу, повозился там с ключами и театрально распахнул дверь в своё жилище. Гной, шагнув из остро пахнувшего кошками подъезда, скинул в коридоре

«бомбер», шагнул в единственную жилую комнату и... потерял дар речи. Логово Игорька больше всего походило на филиал редакции «Мании страны навигаторов» (которым, строго говоря, и являлось): на старом столе стоял скелет компьютера, все его опутанные проводами внутренности были в беспорядке разложены вокруг. Рядом поблёскивал выпуклым кинескопом 15-дюймовый монитор Green, каждый квадратный сантиметр которого был покрыт наклейками с черепашками-ниндзя, полуобнажёнными дамами и гоночными автомобилями. Полкомнаты покрывал ковёр из десятков растрёпанных журналов (Гной с удивлением и неприязнью увидел среди родных обложек «Мании страны навигаторов» несколько других игровых изданий), обрывков газеты «Московский комсомолец», тощих книжек из серии «Фантакрим-МИКРО» (как понял Юрик, имелись в виду фантастика и криминал), порнографических фотографий, CD-болванок и трёхдюймовых дискет. На стенах прямо поверх ковров и старых портретов красовались постеры с дырочками от скрепок: преимущественно фэнтези-дивы в металлических купальниках. Гной восхищённо выдохнул: примерно так он и представлял себе жилище настоящего геймера!

Тем временем хозяин сальной кометой носился по помещению: вонзил в недра компьютера переносной жёсткий диск, поставил чайник, зажёл сигарету, плюхнулся на продавленный диван и весело уставился на Гноя.

– Ну чо ты, это. Садись! За комп пока нельзя: вареза качаются.

Что такое вареза (с ударением на последний слог) Юрик не знал, но признаваться в собственном невежестве не спешил. Многозначительно кивнув, он поинтересовался:

– Много варезов-то?

– Так это, мегов триста. Щас докачаются – отвезу Жоре Соплеуху в «Митьку». Доллар – десять мегов! Нормально!

Всё это было очень странно, но интересно.

После скромного завтрака (чай из пакетика, которым пользовались уже явно не один раз, чёрствый батон и сливочное масло) Игорёк уехал к загадочному Соплеуху, а Гной лёг досыпать: к сегодняшней редколлегии нужно было быть во всеоружии. В полудрёме Юрик ловил обрывки мыслей: такая незадача с Анной... зато перспектива анлима, даялапа и мэйла с заветным адресом... крушение всех представлений о любимой редакции... зато новые знакомства и потенциальные друзья... общая убогость антуража... зато столькому ещё предстоит научиться: отличать хентай от яой, неон-евангелион от ковбой-бибой, варез от фидо...

Проснулся он от ощущения на себе пристального взгляда: вернувшийся Игорь Шварцнеггер сидел в ногах и смотрел на него в упор. Гной сглотнул. Хозяин логова настоящего геймера широко улыбнулся (Юрик поморщился: всё никак не мог привыкнуть к запаху) и сказал:

– А это, слушай, живи у меня. Пока, это самое, в долг. А как гонорар будет, там, это, рассчитаемся.

Юрик энергично закивал. Все устраивалось как нельзя лучше.

На пути назад в редакцию Юрик думал, что вот сейчас-то всё преобразится: наверняка невидимые слуги уберут следы ночного пиршества, сложат раскладушки и проветрят флигель. Ничего из этого не произошло: даже мусорная корзина, в которую Игорёк намерен выбросил послания из посольства Светоидов, так и стояла полной до краёв. Всё это, однако, не имело значения: начиналась редколлегия. Гной благоговейно переводил взгляд с одного лица на другое – эти люди делали журнал, последние несколько лет бывший, без преувеличения, смыслом его жизни. Вот опухший, жёлтый Поплавский, явно ещё не пришедший в себя после вчерашнего. Вот ненавистник эстетствующих графоманов Фельдмаршал с торчащей из ушей пожелтевшей ватой. Вот Cyberdemon aka Death Knight в тельняшке и с усами щёткой. Вот Ванечка Дристокхватов с отвисшей нижней губой и копной два месяца не мытых волос. Вот Мистер Гейтс, он же Маймун, он же Лшддук, он же Игорь Шварцнеггер, он же просто Игорёк... Тут Гной

потупился: Игорёк отчаянно гримасничал, двигал бровями и по очереди подмигивал Юрику обоими глазами.

– Чо у нас, на... Давайте, что ли, почту разберём, на, – с трудом проговорил Поплавский. – Поди, принеси, на.

И выжидательно посмотрел на Гной. Тот лихорадочно заозирался, не понимая, чего от него хотят; повисла неловкая пауза. Наконец, Поплавский пробубнил что-то похожее на «дебил, на» и кивнул Игорьку, в чьи обязанности явно входила доставка почты. Фальшивый Шварцнеггер, явно ждавший сигнала, вдруг метнулся не к своей сумке, а к помойному ведру, отгреб в сторону окурки и куски кабачков и выудил несколько чумазных конвертов. Гной, который думал, что ничему уже больше в этой жизни никогда не удивится, выпучил глаза.

Поплавский, массируя одной рукой висок и не обращая внимания на галдёж подчиненных, грубо разорвал первый конверт (Гной успел увидеть на нём рисунки: космический корабль, эльфийскую воительницу и Супер Марио) и побежал глазами по строчкам:

– Лучший в мире журнал... конструктивная критика... у приставок нет души... говно, на!

Недочитанное письмо, безжалостно скомканное, улетело в угол. Главный редактор потянулся за следующим.

– Не согласен с вашей оценкой игры Carmageddon... Плохой пример подрастающему поколению, на... Старпёр, на. Фельдмаршал, твой клиент?

Старик не реагировал: слегка покачиваясь из стороны в сторону, он смотрел прямо перед собой слезящимися глазами. Cyberdemon aka Death Knight пнул его под столом ногой и показал глазами на Поплавского; Фельдмаршал встрепенулся и закудаhtал:

– Возмущенная, тысызыть, общественность сигнализирует с мест? Хе-хе-хе-хе. Давайте, товарищ Поплавский, я ему напишу, тысызыть, фронтовую корреспонденцию. Просветим гада!

Редактор метнул конверт через стол и продолжил вскрывать остальные.

– Любимая редакция... Говно, на... Конструктивная критика... Говно, на... Много опечаток в статьях... Говно, на... В наш таёжный городок редко привозят ваш журнал, и я беру его почитать у одноклассника... Говно, на... Большой привет Анечке... О, Игорёк, возьмёшься?

Игорь Шварцнеггер вскочил из-за стола, схватил протянутое Поплавским письмо и закружился вокруг стола в издевательском танце, покрывая лист бумаги слюнявыми поцелуями. Главред поморщился:

– Из помойки, на... Свинья, на.

Последним оказалось письмо от эстетствующего педрилы.

– Не нравится наш стиль написания статей, на. Одними и теми же словами, литературные штампы, постоянные повторы, на. Ну этому я сам отвечу, на – не нравится «Манька», иди читай GAME.COM, пидор.

Сотрудники заулюлюкали и затопали ногами, кто-то разразился жидкими аплодисментами. Фельдмаршал назидательно поднял узловатый указательный палец:

– Только, тысызыть, не пишите название GAME.COM, товарищ Поплавский, а то реклама!

Главред отмахнулся. Что такое загадочный GAME.COM, Гной не знал, а спрашивать было неуместно: того и гляди прослывёшь провинциальным недоделком – и это на самом старте блестящей карьеры! Поэтому на всякий случай кибер-витязь топал и улюлюкал со всеми.

– Так, на... Варезов подогнал, Игорёк? Переболвань мне до завтра все, будем посмотреть, на. Ваня, что там Упырь?

Старший следователь Упырь был постоянным автором «Мании страны навигаторов» и важной составляющей успеха журнала: выходявшие из-под его пера фантастические истории

о вселенной Quake II пользовались у читателей невиданным успехом и породили целую субкультуру поклонников, подражателей и завистников, к числу которых относились и эстетствующие педрилы. Именно с его лёгкой руки сотрудники редакции называли друг друга «геноссе».

Ванечка Дристохватов, отвечавший за рубрику с кокетливым названием «Притончик Упыря», шутиливо козырнул:

– Новый рассказ о космических десантниках прибыл на базу имперского флота!

При этих словах Гной ощутил почти физическое удовольствие: именно так, по его представлениям, и должны были общаться между собой настоящие игровые журналисты. Самым приятным было то, что над произнесёнными словами никто не засмеялся, никто не отпустил говорящему обидную «шпалу» и не обозвал недоноском. Вот она, настоящая жизнь!..

– Ладно, на... На игры насрать, на. Главное – «Уголок Геймера». Анекдоты есть свежие, на? Чит-коды новые появлялись? Вова, ты когда прохождение Лары добьёшь, на?

Cyberdemon aka Death Knight закатил глаза и изобразил любовный экстаз.

– Ты давай не выделяйся на, чтобы в понедельник всё было. Сорок тысяч знаков без пробелов, на.

Усатый бытописатель Лары Крофт вдруг хлопнул по столу вялой ладонью и взвизгнул:

– Три доллара за килобайт!

Поплавский тяжело посмотрел на него через стол. В редакции повисла звонкая тишина, даже Игорёк перестал шмыгать носом и плямкать губами. Cyberdemon aka Death Knight гулко проглотил слюну.

– Знач так, на. Ещё раз вякнешь – пойдёшь назад телевизорами торговать, на. Два доллара килобайт и спасибо скажи, на.

Cyberdemon aka Death Knight послушно сказал:

– Спасибо...

– Вот так, на. Алё, пионер.

Взоры всех присутствующих немедленно обратились на Гноя, которому стало одновременно очень холодно и адски жарко.

– Возьми там у Игорька из вареца что понравится, на. Чтобы послезавтра была статья.

Впоследствии Гной, прокручивая этот момент в голове, так и не смог понять, что заставило его сказать следующее слово.

– Объективная?..

Поплавский дёрнул щекой, обвёл притихших сотрудников взглядом и, не глядя на Юрика, пробормотал:

– Других не держим, на.

Планёрка подошла к концу; Фельдмаршал немедленно подсел к главному редактору и начал что-то горячо бубнить, то и дело воздевая увенчанный чёрным панцирным ногтем палец. Остальные журналисты начали разбредаться по домам. Игорёк дёрнул Гноя за рукав и шепнул:

– Слышь, это. Ты Поплавского не бойся: он лох на самом деле, его только другие лохи боятся.

Юрик неприязненно отшатнулся: как можно говорить такие вещи про своего сюзерена?.. То есть, конечно, главного редактора – но это почти одно и то же. Додумать мысль он не успел. Игорёк сверкнул очками, утащил Гноя за локоть в тамбур и прошептал, то и дело обдавая запахом гниющей плоти изо рта:

– Это, новоселье твоё отпразднуем сегодня. Эльфийки придут!

Гной опешил.

– Что за эльфийки?..

– Нормальные эльфийки, это. В восемь будут. Пошли домой, это, срach разгребём. Почпокаешься хоть!

Гной дёрнул ушами, как испуганная лошадь.

Эльфийский метод автостопа

Эльфийки оказались крупными тётками позднестуденческого возраста – после потрясения последних дней Гной уже не слишком ожидал увидеть полногрудых воительниц, одетых в три листика на каждую, но всё равно неприятно удивился. Танадриэль и Галадриэль отодвинули суетящегося Игорька и по-хозяйски прошли в комнату – прямо в уличных говнодавах, оставляя за собой цепочку грязных следов. Юрик впервые за всё это время с внезапной теплотой вспомнил маму и загрустил. Поймав Игорька за рукав, он шёпотом спросил:

– Игорёк, а чего-то они какие-то... Точно эльфийки?

Тот непонятно буркнул:

– Ты, это, скажи спасибо, что гномихи не пришли.

Гной промолчал, шокированный пронёсшимися перед его мысленным взором картинами.

Танадриэль гостила у настоящего геймера явно не впервые: она не глядя смахнула с дивана огрызки газеты «Московский комсомолец», тяжело опустилась на их место и начала скручивать пробку с бутылки «Амаретто», стоявшей на заменяющей праздничный стол табуретке. Игорёк попытался было что-то возразить (мол, «на десерт»), но эльфийка гоготнула:

– Не ссы, Боря, десерт натурой получишь!

Гной, давший было себе слово не лезть в разговор до выяснения ситуации, не удержался:

– Боря?..

Личность Игоря Шварцнеггера играла всё новыми неожиданными гранями.

– Я, это, Боромир, – буркнул журналист. Юрик решил в подробности пока не вдаваться.

Вечеринка тем временем набирала обороты. Боромир с Танадриэлью обсуждали каких-то неведомых общих знакомых, называя их «толчками» (с симпатией) и «кастрюльниками» (презрительно); в беседе часто всплывал некий «профессор», про которого говорили с уважением и придыханием – Гной удивился, что у эльфиек за их эльфийскими занятиями ещё остается время на учёбу (про Игорька таких иллюзий у него уже не осталось). «Амаретто» быстро закончился, ему на смену пришли две мутно-зелёные бутылки «плодово-ягодного вина «Извар». Гной, так толком и не пришедший в себя после редакционной пирушки, постановил себе с алкоголем временно завязать, но всё равно налил себе полстакана во избежание ненужных распросов и издёвок бессердечного Игорька – так вот, судя по запаху, «Извар» был редкостной дрянью.

В других обстоятельствах Юрик бы давно уже отключился от негостеприимной реальности и перенёсся в сверкающую вселенную звёздного богатыря, но сейчас мешала одна тонкость. Галадриэль, вторая эльфийка, явно тяготилась происходящим, тоже не налегала на «Извар» и в полумраке геймерской норы казалась даже симпатичной. Не на уровне Алины Петрозаводской, прикидывал в уме Гной, но и не Бура, конечно, а так... Словосочетание «крепкий середнячок» неожиданно засветилось перед его мысленным взором.

– Это, аллё! Слышь!

Гной снова включился: Игорёк-Боромир настойчиво щёлкал перед его лицом пальцами.

– Дамы желают познакомиться!

Гной с надеждой покосился на Галадриэль, но та по-прежнему скучно смотрела куда-то в угол. Зато Танадриэль, к явному неудовольствию своего кавалера, бросала на богатыря призывные взгляды и даже кокетливо поддёрнула юбку, приоткрыв говнодавы и несколько сантиметров голеней – покрытых, как выяснилось, густыми рыжеватыми волосами. Гной сглотнул. Эльфийка сделала поощрительный жест бровями и глубоко затянулась сигаретой L&M.

– Я Гн... Юра, – услышал он свой голос.

– Танюха! – провозгласила Танадриэль. – А это...

– Галюха? – вежливо спросил игровой журналист.

– Вообще-то, Ольга, – хмуро ответила Галадриэль, по-прежнему глядя в сторону.

Гной понял, что его шансы на сколько-нибудь нестыдное завершение вечера только что окончательно улетучились, и от души глотнул «Извара». Портвейн (а это оказался именно он) оказался на вкус ещё хуже, чем можно было предположить по запаху; Гной подавился, закашлялся и с ужасом понял, что напиток вот-вот вырвется из него наружу – как сказал бы по этому поводу Фельдмаршал, налицо была тревожная тенденция. Гной выпучил глаза, надул щёки и вскочил. По крайней мере, в одном он сегодня преуспел: Ольга-Галадриэль впервые обратила на него внимание. Вскинулся и Игорёк.

– Это, Гной, ты чо?!

Юрик сделал успокаивающий жест и приставным шагом бросился в туалет, зажимая рот руками. Вслед ему нёсся конский хохот толкиенистов.

...Гной грустно блевал и думал, как стремительно и непостижимо изменилась его жизнь за какую-то жалкую неделю. Его не покидало ощущение, что достаточно посильнее ущипнуть себя за ляжку – и вокруг снова сгустится привычный класс, привычная Дина Зуфаровна, макароны-бантики... Тут журналиста скрутил новый спазм. А впрочем, продолжали своё течение Юриковы мысли, он УЖЕ победил, уже вырвался из беспросветного индустриального ада Западносибирска к профессиональным вершинам – и пусть дорога к ним оказалась чуть более кривой и засранной, чем представлялось сначала, но о такой траектории взлёта не могли мечтать ни каратист Костик Ким, ни изменщица Алина, ни уж тем более злобный уродец Лёша Корявый и его друзья-«академики»! Он с удовольствием придумал для Корявого безрадостное будущее: тупая жирная жена, беспросветная работа на каком-нибудь заводе, алкоголизм и скорая смерть – причём обязательно в канаве!..

Как выяснилось, снаружи туалета прошло заметно больше времени, чем внутри. В зале (Гной по инерции мысленно называл единственную комнату Игорьковой квартиры залом) больше не горел свет, зато оттуда доносились животные звуки; дверь на входе туда предполагалась, но давно была снята с петель и унесена неизвестно куда. Заглядывать на звук Гной не рискнул, поплёлся вместо этого на кухню попить воды.

Темень в квартире стояла непроглядная: все окна, как ещё вчера заметил Юрик, были зачем-то заклеены старой пожелтевшей бумагой. На кухне, впрочем, горела точка сигареты. Гной замер на пороге. Галадриэль, чуть подсвеченная тлеющим табаком, молча подняла на него глаза. Как вести себя в таких ситуациях, Юрик не знал, поэтому мотнул головой в сторону зала и задал риторический вопрос.

– А там... Чего такое?

Ольга-Галадриэль ответила неожиданно, но предельно чётко:

– Забудь, говнюк.

Гной молча сел на табуретку, взвизгнул и вскочил обратно – между сиденьем и его задом неожиданно обнаружилось что-то скользкое и неприятное. Юрик в ужасе ощупал и то и другое (мысль включить свет за всё это время ни разу не пришла ему в голову), ничего не понял, обнюхал пальцы и безотчётно их лизнул. Ольга издала сдавленный звук и шёпотом выругалась, но журналист немного успокоился: кто-то всего лишь забыл на табуретке полупустую пачку подтаявшего сливочного масла.

Звуки за стеной прекратились.

В кухню кто-то уверенно протиснулся; по запаху и характерным причмокиваниям Гной сразу определил хозяина квартиры.

– Ну вы это, чо тут? Кончили? – спросил знакомый голос.

Гной не успел ничего ответить – Игорёк щёлкнул выключателем, и перед журналистом предстало самое ужасное зрелище в его жизни. Абсолютно голый, не считая надетого на член дырявого носка, Игорёк дьявольски улыбался. Всё его тело было покрыто крупными волоса-

тыми родинками, из подмышек торчали чёрные спутанные космы. Позади него, во мраке коридора, словно бы колыхалось глубоководное чудовище – Танадриэль выходила из зала, на ходу натягивая лифчик. Гной сглотнул, вскочил и выключил свет, но образы впечатались в его зрительную память – и, кажется, теперь уже навсегда.

– Да ладно, ты это, не стесняйся, – хохотнул геймер. – Дело житейское, как говорил товарищ Сталин!

Удивительнее всего в этой непростой ситуации вела себя Ольга. В её вселенной Игорька словно бы не существовало (Гной даже мимолётно в этом смысле ей позавидовал): за весь вечер она ни разу не посмотрела на него прямо, не обратилась к нему и не ответила ни на один его вопрос; её эльфийский разум словно бы соорудил магический кокон, в котором не было места подобному исчадию Мордора. Вот и сейчас, после мимолётного ужасного видения, Галадриэль спокойно встала, аккуратно обошла невидимого во мраке Игорька и обратилась к черноте коридора.

– Танюх, давай быстрее там, метро через полчаса закрывается, а на бомбилах из этой жопы не уедешь.

Чернота ответила утробным смехом демона сладострастия:

– За отсос откуда угодно уедем!

Гной поморщился и начал нервно счищать с задницы остатки масла. Игорёк милосердно скрылся, стало можно включить свет, эльфийки начали собираться. Юрик покосился на тлеющий в стакане окурков и принял уже не первое (да и, в общем, далеко не последнее) опрометчивое решение в своей жизни – украдкой затынулся.

На истерический кашель и подвывания звёздного богатыря в кухню заглянул Игорёк, уже одетый. Он оценил ситуацию, понимающе подмигнул обоими глазами и конспиративным тоном сказал:

– Ты это, нормально! Как чпокнешься, сига – это самое оно! Кузяво!

Гной протестующе захрюкал и замахал руками, но собеседник продолжил:

– Ольга, она, это, бывшая моя. В лесу бухие поролись как-то после Изенгардской битвы. Нормально, это, исполняет!

Последовало гнусное движение тазом.

– Так что мы с тобой, это, теперь почти родственники!

Юрик ретроспективно понял, что сигарета была не такой уж плохой идеей – слёзы злобы и разочарования, катившиеся по его щекам, смешались со слезами от раздравшего горло кислого дыма.

Эльфийки ушли, причём с Гноем не попрощался никто, зато Танадриэль долго и шумно тискала Боромира под равнодушным взглядом Галадриэли. Когда дверь за гостями закрылась, Игорёк внезапно снова принял свой обычный суетливо-сосредоточенный вид. Он рыгнул, хлопнул в ладоши и пнул табуретку под Юриком.

– Давай, это, отдохнули и хватит, работать пора!

Гной вскинул брови. Час был поздний, метро уже явно закрылось (ему зачем-то вспомнился эльфийский метод автостопа), сам он так измучился, что хотел только рухнуть на диван и уснуть. Но не тут-то было. Жизнь игрового журналиста, как становилось понятно, по-настоящему начиналась только после полуночи. Игорёк хищно выдрал из стены шнур телефона, воткнул туда модем и дёрнул мышью. Экран выпуклого монитора осветился.

– Так, это, варежа щас поставлю, изошки там, порнушку... Порево, знаешь, как на Митьке берут, у-у-у... Инет ночью шаровой...

Гной по-прежнему не понимал половины слов, изрыгаемых новым соседом, но сам звук речи столичного игрового журналиста успокаивал, настраивал на позитивный лад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.